

УИЛЛ ХИЛЛ

Перевод Надежды Сечкиной

18+

После пожара

REBEL

Уилл Хилл

После пожара

«Popcorn books»

2017

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хилл У.

После пожара / У. Хилл — «Popcorn books», 2017 — (REBEL)

ISBN 978-5-6048362-4-8

Раньше она жила за забором. Раньше ей не разрешалось покидать территорию, не разрешалось разговаривать с Чужаками, не разрешалось высказывать свое мнение. Потому что отец Джон любил правила и контролировал все. Нарушить их значило навлечь на себя ужасное наказание. Раньше она думала, что ее от чего-то защищают. А сейчас ей говорят, что она наконец в безопасности. Но она не знает, кто лжет, а кто говорит правду. Она знает только то, что все изменилось после пожара...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-6048362-4-8

© Хилл У., 2017
© Popcorn books, 2017

Содержание

После	9
После	12
После	15
До	21
После	25
После	31
До	35
После	39
До	40
После	45
После	47
До	51
После	55
До	58
После	60
До	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Уилл Хилл

После пожара

*И болтливому лжецу,
И ночному ездоку,
Лоботрясу, подлецу,
Записному игроку
Так скажи: за все грехи
Ждет их Божья кара!*

(Народная песня)

AFTER THE FIRE
by Will Hill

Copyright © Will Hill, 2017
Illustrations copyright © Karmen Loh
Author's photo © by Gary Doak
© Н. Сечкина, перевод на русский язык, 2022
© Издание, оформление. Popcorn Books, 2022

Я мчусь через двор – из глаз текут слезы, сердце бешено стучит в груди. От грохота выстрелов едва не лопаются барабанные перепонки, я слышу – на самом деле слышу – свист пуль, низкий, протяжный гул, напоминающий жужжание насекомых в ускоренной записи, однако я не сбавляю скорость и не меняю направления. Часовня полыхает, и огонь уже не потушить – крыша объята ревущим пламенем, от нее в небо поднимается грибовидный столб черного дыма; усиленный динамиками голос федерала разносится по всей Базе, на оглушительной громкости повторяя один и тот же приказ: «БРОСАЙТЕ ОРУЖИЕ, ПОДНИМИТЕ РУКИ И МЕДЛЕННО ИДИТЕ ВПЕРЕД!» Его никто не слушает, ни другие федералы, ни – уж это точно – кто-либо из моих Братьев и Сестер.

Издалека, от главных ворот, в мою сторону с рокотом ползет танк – сминает тонкую проволочную сетку, взрывает сухую пустынную почву. Сквозь тархтение моторов и нескончаемую пальбу я различаю стоны боли и крики о помощи, но велю себе двигаться дальше: мой взгляд устремлен на деревянные постройки в западной части Базы.

Обо что-то спотыкаюсь. Ноги заплетаются, я распластываюсь на потрескавшемся асфальте. От удара плечом о землю меня пронзает дикая боль, но я стискиваю зубы, встаю и оглядываюсь: на что же я налетела?

Элис лежит на спине, прижимая руки к животу. Рубашка вся красная, вокруг на земле – лужа крови; невозможно, чтобы столько крови вытекло из одного человека. Тем не менее Элис еще жива. Взор затуманен, однако ее глаза находят мои. Нет сил описать то выражение, с которым она на меня смотрит. В ее взгляде сквозит боль, чудовищная боль, шок, страх и что-то вроде недоумения, словно Элис пытается понять, как вообще так вышло.

Я держу зрительный контакт. Мне хочется остаться с Элис, быть с ней и говорить, что все будет хорошо, что она поправится, но все совсем не хорошо, все ужасно, и я сознаю, хоть и не разбираюсь в огнестрельных ранах, что Элис уже не поправится. Я почти не сомневаюсь, что она при смерти.

Я гляжу на нее, теряя драгоценные секунды – та часть моего мозга, которую еще не отшибло, в панике сигнализирует мне об этом, – потом разворачиваюсь и бегу к западным баракам. Глаза Элис расширяются, но гнева в них нет. Кажется, она понимает, что я должна сделать. Во всяком случае, так я себе говорю.

Из клубов дыма появляется фигура, я резко торможу и вскидываю ладони, однако выясняется, что это не боец из отряда федералов – эти вооружены, экипированы черными шлемами и защитными очками, – а Эймос. Глаза у него воспаленные и опухшие, одна рука безвольно повисла, в другой, здоровой, пляшет пистолет.

– Где отец Джон? – хриплым, надтреснутым голосом спрашивает он. – Ты его видела?

Я качаю головой и пытаюсь прошмыгнуть сбоку, но он хватает меня за предплечье и притягивает к себе.

– Где он? Где Пророк? – скрежещет Эймос.

– Не знаю! – кричу я, ведь танк уже во дворе, перестрелка усилилась, а пожар стремительно перекидывается с одной постройки на другую.

Я изо всех сил толкаю Эймоса, он отшатывается и нацеливает на меня пистолет, но я не стою на месте. За моей спиной слышатся выстрелы, однако ни один из них не достигает цели, и вот я уже скрываюсь за завесой дыма.

В тот же миг становится трудно дышать; я зажимаю ладонью рот и нос, но густой ядовитый дым просачивается между пальцев и я начинаю кашлять. На бегу я повсюду замечаю поверженные тела моих Братьев и Сестер, темные фигуры, которые мне приходится огибать то слева, то справа. Некоторые еще шевелятся – пытаются ползти или дергаются, точно в припадке, но таких мало. Большинство лежат недвижно.

Передо мной выступают из мглы западные бараки, их стены и плоские крыши увиты клубами едкого дыма. Сзади безостановочно гремят выстрелы, и пуль, рассекающих воздух, так много, что мной владеет уверенность: рано или поздно неизбежное случится. Но главное для меня – успеть отпереть двери, а остальное неважно. Совсем неважно.

Я кое-как продираюсь сквозь самую гущу дыма и двигаюсь к ближайшему барaku, на ходу вытаскивая из кармана мастер-ключ. Хватаю висячий замок, слышу какое-то шипение и долю секунды не могу сообразить, что произошло, пока внутри меня не взрывается боль. Пытаюсь отдернуть руку, и почти вся кожа на моей ладони остается приваренной к металлу замка. Я падаю на колени, прижимая изувеченную левую кисть к животу, с губ срывается воистину нечеловеческий вопль. Она захлестывает меня. Она – это боль. Кажется, будто руку держат в банке с кислотой, и, пока сознание силится осмыслить эту пытку, все остальное отступает на задний план: вонь дыма, жар огня, треск выстрелов. Со всех сторон наползает серый туман; он словно бы гасит остроту восприятия моих органов чувств. А потом я ощущаю толчок в спину, лечу вверх тормашками и оказываюсь на земле.

Надо мной стоит один из федералов: лицо скрыто за маской, зияющее дуло пистолета смотрит мне в переносицу.

– Руки подними, чтобы видны были! – Голос явно мужской. – Покажи руки!

Я поднимаю над головой дрожащие ладони.

– Пожалуйста, – сиплю я. – Там дети. В бараках дети. Прошу вас.

– Заткнись! – рычит он. – Ни звука!

– Прошу, – повторяю я. – Они там, в бараках. Вы должны им помочь.

Федерал окидывает взглядом строения. Меня мутит, кружится голова, и я чувствую, что от боли, полыхающей в кисти, вот-вот потеряю сознание, но заставляю себя не закрывать глаза, заставляю слабеющий разум сосредоточиться на темной фигуре, что нависает надо мной.

– Замки, – шепчу я и протягиваю солдату мастер-ключ. – Пожалуйста...

Силы мне изменяют. Федерал смотрит на бараки. Затем на меня. И снова на бараки.

– Вот дерьмо! – восклицает он, выхватывает у меня ключ и поворачивается к двери. На моих глазах он берет замок обтянутой перчаткой рукой, вставляет ключ в замочную скважину, и на какое-то жуткое мгновение я задаюсь вопросом: а вдруг все это лишь напрасная трата времени, вдруг есть замки, которые нельзя отпереть даже мастер-ключом? Но вот цилиндрик повернулся, и замок с щелчком открывается. Федерал распахивает дверь, потянув ее на себя, и наружу толпой вываливаются мои Братья и Сестры – они кашляют, отплеиваются, из покрасневших глаз текут слезы.

– Идите к главным воротам, – с трудом выдавливаю я. – Держитесь вместе. Поднимите руки.

В задних рядах я вижу Хани, и грудь наполняет чувство, моментально заглушающее боль в обожженной ладони. Веки у нее опухли, она бледна, однако губы сжаты, подбородок вздернут, выражая знакомую решимость, и, по крайней мере, она жива. Я сомневалась, что увижу ее живой.

Она выводит последних напуганных, плачущих малышей на свободу и ведет их на юг, в сторону главных ворот. Федерал бежит к следующему барaku, при помощи рации вызывая подкрепление, и внутри у меня как будто что-то лопается – облегчение до того велико, что ощущается почти физически. Оно вдыхает новую жизнь в мои измученные мышцы, и я кое-как принимаю сидячее положение.

Дети пробираются по двору, послушно вскинув вверх ладошки. Внезапно вокруг них возникает суматоха: федералы выскакивают из-за пелены дыма, подхватывают моих Братьев и Сестер на руки и выносят через широкие бреши в сетчатом заборе. Малыши хнычут и зовут родителей, и мое сердце разрывается от жалости, однако они живы, живы, и важнее этого нет ничего. Это единственное, что имеет значение сейчас, когда мир объят огнем.

Я слышу вопль – такой громкий и пронзительный, что прорывается сквозь гром стрельбы и рев адского пламени, – и невольно поворачиваю голову. Неподалеку от полыхающих руин часовни двое федералов схватили Люка, его держат сразу и за руки, и за ноги. Он бешено отбивается, рычит и требует поставить его на землю, отпустить к остальным, дать Вознестись.

Его голос, полный ярости, религиозного пыла и неистовой, отчаянной паники, – последнее, что я слышу перед тем, как меня накрывает темнота.

После

...Меня уносит течением...

...кисть руки словно охвачена огнем. Я открываю глаза. Вокруг сплошь белый цвет, слышно ритмичное пиканье, надо мной нависает нечто безликое, я пытаюсь кричать, но не получается, и мне так страшно, что я ничего не соображаю, глаза закатываются и...

...на меня смотрит мужчина: его лицо – лишь глаза над белой медицинской маской, он показывает огромную иглу, я безмолвно таращусь на нее, потому что оцепенела от страха, и, когда он вгоняет ее мне в вену, я этого даже не чувствую, ведь раскаленная боль в кисти по-прежнему заслоняет собой все остальное. Я знаю, кто такие врачи, – с той поры, когда была маленькой и смотреть телевизор еще разрешалось, – но в реальной жизни с доктором сталкиваюсь впервые, а в моих мыслях Пророк орет, что доктора – агенты ПРАВИТЕЛЬСТВА, что все они – ПРИСЛУЖНИКИ ЗМЕЯ. Его голос гремит у меня в голове, сотрясая мозг так, что меня начинает мутить, и от ужаса я не могу даже вздохнуть, а врач в это время пластырем прикрепляет к коже иглу, введенную мне в вену, и подсоединяет ее к трубке, на другом конце которой – прозрачный пакет с молочно-белой жидкостью. Доктор произносит какие-то непонятные слова, а затем жидкость начинает медленно течь по трубке – я вижу, как она подбирается к моей руке, но не могу пошевелить ни единым мускулом; на фоне воплей отца Джона мне удается сформулировать мысль: что будет, когда молочная жидкость проникнет в меня, останусь ли я самой собой, когда очнусь?..

...свет ламп над головой бьет в глаза, боль заметно уменьшилась, пластиковый пакет на конце трубки опустел, и у меня уже получается приподнять голову настолько, чтобы увидеть пухлую «перчатку» из бинтов, которыми обмотана кисть моей левой руки. Время от времени доктор подходит к моей кровати и смотрит на меня, иногда я слышу в отдалении громкие голоса, а иногда принимаюсь плакать и не могу остановиться. Мне слишком жарко, слишком холодно, и все не так, и я по-настоящему хочу домой, потому что даже там было лучше, чем здесь. Мужчина в фуражке и форме спрашивает, как меня зовут, но в мозгу у меня снова ревет отец Джон, и я не отвечаю. Он повторяет вопрос, я снова молчу, он устало закатывает глаза и уходит...

...женщина в форме просит кого-то усадить меня, подо мной просовываются чьи-то руки, пальцы вжимаются в кожу, меня тянут вверх, и вот я уже сижу, опираясь спиной на подушку.

– Так-то лучше, – произносит женщина в форме, и я едва не усмехаюсь: какое там «лучше», ничего даже отдаленно похожего на «лучше» и в помине нет. – Скажешь, кто устроил пожар? – спрашивает она, и я качаю головой. – Кто раздал оружие? – Опять качаю головой. – Ты видела Джона Парсона после того, как началась перестрелка? – С моей стороны та же реакция. – Что произошло в главном доме? Что ты там делала? – Я качаю головой. Женщина пристально смотрит на меня, и ее тон становится ледяным: – Девочка моя, погибли люди. Много людей. Самое время тебе заговорить. – Она склоняется ко мне, намерений ее я не знаю, поэтому отворачиваюсь и вижу у нее на ремне золотистый жетон с надписью: «УПРАВЛЕНИЕ ШЕРИФА ОКРУГА ЛЕЙТОН».

Мое сердце замирает, я слышу собственный крик, женщина в форме шарахается, в ее распахнутых глазах – шок; до меня доносится торопливый топот, сердце вновь начинает качать кровь, я мечусь в постели, кричу и кричу, кто-то прижимает мои руки и ноги к кровати, доктор подносит ко мне очередную иглу и...

...из темноты выплывают лица моих Братьев и Сестер, тех, кого я знала всю свою жизнь, их волосы в огне, кожа на лицах плавится, и они бесконечно повторяют два слова, хором выкрикивая: «ТЫ ВИНОВАТА! ТЫ ВИНОВАТА! ТЫ ВИНОВАТА! ТЫ ВИНОВАТА!» Я отворачиваюсь и хочу бежать, но земля подо мной превращается в зыбучий песок и затягивает меня по щиколотки, в то время как кончики чьих-то пальцев касаются моих плеч и затылка, я охвачена ужасом, но не могу издать ни звука, потому что у меня свело челюсти. Все, что в моих силах, – это брести сквозь чернильный мрак, с трудом переставляя ноги, и пытаться отыскать путь назад...

...мужчина в темном костюме стоит у моей кровати, я вся взмокла от пота, левая кисть горит, точно ее жалит целый рой насекомых, и такой страшной усталости я, кажется, прежде не испытывала. Все тело будто из свинца и бетона, и на всем свете нет ничего тяжелее моих век. Мужчина говорит, что меня переводят, я пытаюсь спросить куда, но из-за того, что рев отца Джона в моей голове приказывает никогда не разговаривать с Чужаками, я издаю лишь свистящий шепот. Мужчина говорит, что не знает, я собираюсь с последними силами и спрашиваю его, кому удалось выбраться из пожара. Он морщится и уходит...

...я держу в руке малярную кисть, с нее капает васильково-синяя краска, и я понимаю, что сплю, но мне все равно, потому что просыпаться я не хочу. Передо мной деревянная стена, которую я крашу, издали доносится рокот волн, разбивающихся об утес; ноздри ощущают запах дыма, что поднимается из трубы, и я знаю, что, посмотрев под ноги, увижу зеленую траву, но не смотрю. Я крашу одну деревянную доску, за ней вторую, третью...

...другой мужчина в точно таком же темном костюме зачитывает с листа список имен. Хани, Рейнбоу, Люси, Джеремайя – я слышу эти имена и от облегчения заливаюсь слезами, мужчина мне улыбается, и это первая улыбка, которую я вижу за все время, пока лежу на этой кровати, а мужчина продолжает перечислять имена, но вскоре умолкает, и на смену моему облегчению приходит горе, а слезы все льются, ведь список совсем-совсем короткий...

...потолок движется – двое докторов катят мою кровать по коридору, потом завозят в пустую металлическую коробку, которая дребезжит и трясется так, что у меня внутри все переворачивается. Я хочу дотянуться до стен, чтобы обрести опору, но один из докторов укладывает мои руки обратно на кровать, левая кисть вспыхивает болью, я кричу, и доктор говорит: «Извини», но его взгляд холоден, а рот скрыт под маской. Звуковой сигнал, толчок, порыв свежего ветра, и вот я снова в движении, мне видна полоска неба, такого же синего, как стена в моем сне, а затем меня поднимают и вкатывают в другую металлическую коробку, только в этой какие-то стеллажи с ящиками, бутылочками и незнакомыми мне устройствами. Подо мной слышится рокот – где-то рядом завелся мотор. Звук чем-то напоминает урчание двигателя в красном пикапе Эймаса, только гораздо громче и агрессивнее...

...женщина с добрым лицом, одетая в белую униформу, помогает мне подняться с кровати, на которой я лежала с того момента, как пришла в себя, и бережно укладывает на другую в квадратной белой комнате с окошком, вделанным в стену почти под потолком. Если мне что-нибудь понадобится, нужно нажать на оранжевую кнопку возле двери, говорит она, и у меня к горлу подкатывает комок, я прошу ее не уходить, она обнимает меня, и я снова начинаю плакать, и голос на задворках моего сознания делается по-настоящему сердитым, ибо так много слез я не проливали с раннего детства, однако я ничего не могу поделать. Женщина с добрым лицом утешает меня, гладит по волосам; все хорошо, повторяет она, все будет хорошо, и, если

что, она рядом. Затем она аккуратно высвобождается из моих объятий и, улыбнувшись мне напоследок, выходит и затворяет за собой дверь, и я, лежа в постели, слышу, как с тяжелым металлическим стуком защелкивается замок...

...меня уносит течением...

После

Я сижу на диване с обивкой вишневого цвета и никак не могу унять дрожь в коленках; кисть сильно болит, я пытаюсь отогнать страх, но тщетно, ведь я не знаю, что меня ждет. Я даже не представляю, где нахожусь.

Это помещение больше моей комнаты на Базе, но все равно довольно маленькое. Стены в нем светло-серые, на полу лежит темно-серый ковер, из мебели имеются вишневый диван и широкий стол, к которому на дальнем конце приставлены два стула, обращенные в мою сторону. Тут чисто и опрятно, на столе лежит какой-то приборчик, над дверью – камера видеонаблюдения. Женщина с добрым лицом, одетая в белую форму, – *сестра Харроу*, шепотом напоминает внутренний голос, *она сказала, ее зовут сестра Харроу*, – привела меня сюда пять минут назад, и перед тем, как она распахнула дверь, я прочла надпись на табличке: «Кабинет для интервью № 1». Перед уходом сестра Харроу поинтересовалась, не нужно ли мне чего-нибудь. Я не знала, что и ответить.

Раздается щелчок дверного замка, и у меня перехватывает дыхание. Дверь открывается, входит мужчина: невысокий, с густой бородой, редющими волосами и с морщинками, глубоко залегшими в уголках дружелюбных глаз. На нем белая рубашка с галстуком, через плечо перекинут кожаный портфель на ремне. Незнакомец выдвигает стул, садится, достает из портфеля несколько блокнотов и ручек и аккуратно раскладывает их перед собой. Обустроившись, он нажимает кнопку на приборчике, дожидается, пока на нем вспыхнет маленький зеленый индикатор, и наконец улыбается мне.

– Привет, – произносит он.

Я молчу.

Я помню, что задала человеку в костюме вопрос – раньше, когда лежала в полузабытии. Сейчас я соображаю лучше, однако некоторые вещи настолько прочно закрепились у меня на подкорке, что я уже и не помню того времени, когда их там не было, поэтому мне трудно переосмысливать свое отношение к ним даже теперь, после всего случившегося.

Никогда не разговаривайте с Чужаками. Никогда.

– Меня зовут доктор Роберт Эрнандес, – продолжает он. – Я заведу психиатрическим отделением детской больницы при Техасском университете в Остине. Понимаешь, что это означает?

Я не отвечаю.

– Я занимаюсь здоровьем детей, – поясняет он. – В частности, тех, которые пережили травмирующие события. Я слушаю их и стараюсь помочь.

В моем сознании отец Джон визжит, что единственная цель Чужаков – причинить мне вред, поиздеваться надо мной и убить.

– Знаю, ты оказалась в жуткой ситуации, – говорит доктор Эрнандес. – Пережила настоящий ад и страдаешь от боли. Однако я вовсе не враг, что бы там тебе ни внушали, и, клянусь, я не сделаю тебе ничего плохого. Я лишь хочу тебе помочь, и для этого ты должна научиться мне доверять. Сперва хотя бы чуть-чуть. Как считаешь, у тебя получится?

Я безмолвно взираю на него. Судя по выжидающему взгляду, доктор Эрнандес даже не представляет, о чем просит.

– Начнем с простого, – предлагает он. – Может, назовешь свое имя?

Я не отвечаю, но продолжаю глядеть ему в глаза.

– Ладно, – произносит он. – Все в порядке. Тогда давай так: я задаю вопрос, а ты просто киваешь или качаешь головой. Говорить не придется.

Я сижу не шелохнувшись, стараюсь даже не моргать. Улыбка на лице доктора Эрнандеса слегка меркнет.

– Нет? Не хочешь попробовать?

Я моргаю – глазам уже больно, – и только. Он кивает и что-то записывает в один из блокнотов. Я слежу за тем, как перо скользит по бумаге, и мне любопытно, что же он про меня пишет, но задать вопрос я не могу.

– Хорошо, – говорит доктор Эрнандес, отложив ручку в сторону. – Меньше всего я хочу, чтобы ты чувствовала себя под каким бы то ни было давлением. Могу лишь догадываться, как тебе тяжело, так что, пожалуй, на данный момент будет лучше, если ты вернешься к себе, и мы продолжим общение завтра. Ты не обязана говорить со мной, и, гарантирую, никто – и я сам в первую очередь – не станет тебя принуждать. Однако, если бы я искренне не верил, что наша беседа пойдет тебе на пользу, меня бы здесь не было.

Я подавляю желание кивнуть, в то время как отец Джон в моей голове орет, что я ерестичка и что он всегда знал: я притворщица. Доктор Эрнандес снова кивает, дарит мне широкую улыбку и принимается складывать блокноты и ручки в кожаный портфель.

– Ну ладно, – произносит он, – отдыхай. Увидимся завтра.

Сестра Харроу отводит меня обратно в мою комнату. Пока мы идем по серым коридорам, я молчу, и все же перед тем, как закрыть и запереть дверь, она мне улыбается.

Я обвожу помещение взглядом – полагаю, теперь это мой дом. Тут не сказать чтоб просторно, но и не тесно; на Базе было много комнатушек куда меньше размерами, к тому же здесь есть умывальник, туалет, письменный стол и стул. Дверь запирается снаружи, так что всё практически по-старому.

После того как сестра Харроу привела меня сюда вчера вечером, я обнаружила на столе стопку одежды, а рядом – толстую пачку бумаги и коробки с карандашами, ручками и восковыми мелками. Серые тренировочные штаны, белье и носки, футболки, толстовки, спортивные тапочки на резиновой подошве. Большинство вещей в целлофановой упаковке, на всех – ярлычки с ценой. Кое-что из этого надето на мне сейчас. Без сомнения, это первая в моей жизни новая одежда.

На стене над дверью – электронные часы; светящиеся цифры на табло показывают 10:17. Сестра Харроу сказала, что каждый день ровно в девять утра будет приносить завтрак и в половину первого – ланч, а что я должна делать в перерыве, понятия не имею.

Я ложусь в постель и какое-то время рассматриваю потолок, после встаю и меряю комнату шагами, пока мышцы в ногах не начинают ныть, а в обожженной кисти под повязкой снова не вспыхивает боль. Тогда я сажусь за стол.

После Чистки на Базе запретили все книги, кроме Библии, бумаги и карандашей почти не осталось, но у меня сохранился простой альбом для рисования, который отец Патрик подарил мне, когда я еще была маленькой. Центурионы не могли не знать о нем – я никогда не прятала альбом, – но почему-то его не отбирали. На каждом листе я рисовала по десятку раз, пока он сплошь не покрывался бороздами – следами карандашных линий, стираемых вновь и вновь. Когда начался пожар, альбом лежал у меня в комнате, а стало быть, сгорел.

Я достаю из пачки листок и провожу пальцами по его поверхности. Он гладкий, ни разу не использованный. Новехонький. У него нет истории. Я сверлю взглядом белую стену, пока мой разум не очищается, затем беру из пластмассовой вазочки карандаш и начинаю рисовать.

Уже давно все то, что появляется на бумаге, возникает как будто помимо моей воли. Я собираюсь нарисовать собаку, космический корабль или остров в море, но в итоге всегда выходит одно и то же, словно бы карандаш оживает в моих пальцах и знает мои истинные намерения лучше, чем я сама. Я более-менее представляю, кто такой психиатр, – помню с тех времен, когда нам еще разрешалось смотреть телевизор и читать книги, – хоть и не призналась в этом доктору Эрнандесу в ответ на его вопрос. Он бы наверняка сказал, что через рисунки проявляется мое подсознание. Возможно, так оно и есть, но какая мне разница – я же не собираюсь их ему показывать.

Я набрасываю первые линии, и почти мгновенно знакомый образ переносится из воображения на бумагу. Я заменяю карандаши цветными ручками и позволяю себе погрузиться в монотонность повторов. Мои пальцы действуют сами собой, а в голове всплывают бессвязные, обрывочные воспоминания...

...мой отец – хоть я и понимаю, что вижу не реального человека, каким он был, а лишь ту его версию, которую мое сознание оживило по старой фотографии. Он улыбается мне, и я размышляю, действительно ли он так выглядел, когда улыбался; движущиеся люди смотрятся иначе, нежели застывшие в фоторамке...

...огонь, что вырывается из окон часовни и несется по сухой земле, словно дикий зверь в погоне за добычей, клекоча от кровожадного восторга...

...лицо Хани, когда она ответила «нет» отцу Джону – глядя ему в глаза и понимая, что говорит ересь...

...мама, какой я запомнила ее в последний раз: она сидит в кузове красного пикапа и не отрывает взгляда от моего лица, а руки сжимают один-единственный пластиковый мешок для мусора – в нем все ее имущество...

...Нейт, чей силуэт возвышается надо мной в темноте; глаза широко распахнуты, голос полон тревоги, в ладонях – запрещенные предметы...

...запертая дверь в подвале Большого дома...

...отец Джон в ту минуту, когда стало ясно, что его пророчества наконец сбылись и прислужники Змея уже у ворот. Я восстанавливаю в памяти его лицо, пытаюсь прочесть на нем уверенность, на которой держался Легион, которая убеждала моих Братьев и Сестер – и довольно долго и *меня*, – что Господь убережет их и дарует великую победу. Я ищу ее – и не нахожу...

...Элис с вывалившимися внутренностями...

...танк, ползущий через двор...

...кровь...

...гильзы от пуль...

...кровь, так много крови...

...весь мой мир за считанные мгновения до конца...

По спине пробегает озноб, я ежусь, потом опускаю взгляд на бумагу и вижу ту же картинку, что и всегда. Большую часть листа занимает вода, светло-голубая, в белых крапинках. Не знаю точно, что это – озеро, океан, река или что-то еще, так как самый большой водоем, который мне довелось видеть собственными глазами, – это фонтан на площади Лейфилда. Чем бы оно ни было, я рисую это не по памяти.

Изрезанные бурые утесы, встающие из воды, соседствуют с широкой полосой земли, покрытой сочной зеленой травой, столь непохожей на спекшуюся рыжую пыль пустыни. Вдали от утесов – маленький домик с бледно-голубыми стенами, белой крышей и трубой; серый дымок изящной спиралью поднимается к небу, которое по цвету почти не отличается от воды. Рядом с домом виднеются две крохотные фигурки, совсем примитивные – «ручки-ножки-огуречик», однако я твердо знаю, кто это. Первая фигурка – это я. Вторая – моя мама.

После

Я просыпаюсь с криком, в мокрых от пота простынях. Кошмары. Пожар, Люк, отец Джон. Часы над дверью показывают 8:57. Не помню, когда в последний раз я спала так долго. Разве что когда болела. Через три минуты сестра Харроу принесет завтрак, если верить ее вчерашним словам. «РАЗУМЕЕТСЯ, НЕ ВЕРИТЬ! – эхом разносится в моей голове гулкий, раскатистый рев отца Джона. – ОНА ИЗ ЧУЖАКОВ! ОНИ ВСЕ ЛГУТ! ВСЕГДА ЛГУТ!»

Кожа на предплечьях покрывается мурашками. Мощь в голосе Пророка все еще приводит меня в ужас даже теперь, после всего: эта его безусловная убежденность, абсолютная власть, не терпящая возражений. Я крепко зажмуриваю глаза, изо всех сил сосредоточиваясь на образах воды, утесов, голубого домика, и в конце концов голос затихает, хотя я знаю, что полностью никогда от него не избавлюсь.

Я открываю глаза и сажусь на краешек кровати. Рука невыносимо болит. Как говаривал Хорайзен, хуже всего дела обстоят перед тем, как начнут улучшаться, и я искренне надеюсь, что он был прав, ведь ощущение такое, будто кто-то подносит к моим пальцам огонь, а когда я чешу их через толщу бинтов, то и вовсе кажется, что пришел конец света.

Когда именно, не помню, но в какой-то момент после еды я легла и смежила веки. Мысленные подсчеты указывают, что в общей сложности я, должно быть, проспала около восемнадцати часов с короткими перерывами. Однако прилива сил я не испытываю, наоборот, чувствую себя измотанной и выжатой как лимон, словно меня раскатали скалкой в тонюсенький блин. Я опустошена.

В замке поворачивается ключ, затем слышен стук, и только после этого дверь открывается. По-моему, стучать смысла нет – я не смогла бы помешать кому-то войти, даже если бы захотела, – но это, во всяком случае, вежливо.

Появляется сестра Харроу с подносом. В этот раз на нем тарелка еще дымящейся яичницы с беконом и жареной картошкой, плошка с фруктами и апельсиновый сок в пластиковом стакане. Моя первая мысль – как же быстро она возникает, просто мгновенно! – я просто не смогу это есть, потому что, хоть фруктов в плошке и немного, они явно входят в тот же прием пищи, что и картофель, а употреблять в одной трапезе и фрукты, и овощи совершенно *неприемлемо*. Правила Легиона, изреченные самим Господом и донесенные до нас устами отца Джона, навеки отпечатались в моем сознании, словно их вырезали острым скальпелем.

В животе урчит, я стараюсь не корчиться от спазмов и, когда сестра Харроу ставит на стол поднос, даже выдавливаю слабую улыбку. Она бросает взгляд на рисунок, который я нарисовала вчера после разговора с доктором Эрнандесом, и мой пульс учащается: не хочу, чтобы она его видела. Это все равно как застать меня нагишом.

– Очень красиво, – одобряет сестра Харроу и улыбается еще шире. – И где же этот дом?

– Не трогайте, – говорю я. Первые слова с тех пор, как меня перевели сюда, чем бы это «сюда» ни было, и мой голос скорее напоминает хриплое карканье. Отец Джон у меня в голове сообщает, что я безмозглое, никчемное и слабое создание. – Пожалуйста, не надо.

Сестра Харроу кивает и отступает назад.

– Не буду, – обещает она, – не волнуйся. Я вернусь через двадцать минут. Хочу сменить твою повязку перед встречей с доктором Эрнандесом. Не возражаешь?

Я киваю. Она вновь улыбается, потом исчезает за дверью и закрывает ее на ключ. Убедившись, что она действительно ушла, я хватаю рисунок, складываю его пополам и прижимаю к груди, обводя комнату взглядом в поисках тайника. Спрятать рисунок негде. Ну разумеется. В комнатах с тяжелыми дверями, снаружи запирающимися на ключ, и окнами, до которых не дотянуться, тайных мест не бывает. Я вспоминаю незакрепленную половицу под кроватью в моей комнате на Базе и скрытый за ней темный кусочек свободного пространства, однако тот

пол, что сейчас у меня под ногами, состоит из гладких пластиковых плит, а стены вокруг ровные и безликие.

Проще всего взять и уничтожить рисунок – в конце концов, всегда можно нарисовать дом, утесы и воду заново, – но я этого не хочу. Просто не хочу. Это единственная вещь в комнате, которая по-настоящему принадлежит мне. Я поступаю иначе: сую руку за отворот наволочки, вкладываю туда сложенный вдвое листок и переворачиваю подушку другой стороной – так, чтобы проступающий на ткани прямоугольник был прижат к матрасу. Конечно, тайник хуже не придумаешь; и пускай даже комната не оборудована камерами видеонаблюдения – во всяком случае, я *не увидела* ни одной, – стоит сестре Харроу или кому-то другому взяться за поиски, и мой рисунок отыщут секунд за пять, не больше. Но это все, что в моих силах.

– Хочу кое-что предложить, – говорит доктор Эрнандес. – Ты не против?

Я опять сижу на диване в «Кабинете для интервью № 1». Психиатр – напротив меня, за письменным столом, блокноты и ручки аккуратно разложены, на приборчике мигает зеленый индикатор. Войдя в кабинет, доктор первым делом осведомился, как я себя чувствую. Я не ответила, хотя сегодня мне и вправду чуточку полегчало, во всяком случае физически, после того как сестра Харроу заново перевязала мою кисть, смазав обгоревшую кожу жирным белым кремом. Второй вопрос доктора Эрнандеса я игнорирую так же, как и первый.

– Сочту это знаком согласия, – сообщает доктор. – Итак, предлагаю обмен: ты спрашиваешь, я отвечаю, потом наоборот – я спрашиваю, ты отвечаешь. Идет?

Голос отца Джона убеждает меня не поддаваться на столь очевидную уловку, не быть глупой и доверчивой притворщицей. Я как могу стараюсь не слушать, но это трудно: Пророк рычит, завывает и ревет. Долгие годы лишь этот голос имел влияние, служил единственным источником правды в мире, полном лжи. И все же я не оставляю усилий, поскольку, хоть и боюсь разговаривать с доктором Эрнандесом (да и вообще с кем бы то ни было) и совсем не жажду отвечать на вопросы, есть две вещи, которые мне необходимо знать. Две вещи, не зная которых, долго я не выдержу.

Будь храброй, шепчет внутренний голос. Это не голос отца Джона, он очень похож на мой собственный, но высказывает то, что я никогда не осмелилась бы произнести.

– Ладно, – соглашаюсь я. Доктор Эрнандес улыбается. Может, он уже начал думать, что я вообще никогда не заговорю? – Только чур я первая задаю вопрос.

– Разумеется, – говорит он. – Валяй, спрашивай. О чем угодно.

Я делаю глубокий вдох.

– Где моя мама?

Улыбка в уголках губ доктора гаснет, во взгляде читается жалость, которая меня бесит, но я не могу ему в этом признаться, так как из-за того, что, судя по этому выражению, он собирается сказать, меня охватывает ужас, а грудь как будто стянуло обручем, перекрыв доступ воздуху.

– Прости, – говорит доктор Эрнандес. – Боюсь, у меня нет сведений о твоей маме.

Воздух снова хлынул в легкие. Примерно такого ответа – точнее, *не-ответа* – я и ожидала, хотя слышать эти слова, произнесенные вслух, все равно больно.

Могло быть хуже, шепчет внутренний голос. *Он мог сказать тебе, что она мертва.* Согласна, это было бы хуже, хотя не знаю, намного ли, ведь незнание мучительно даже спустя столько времени.

– Прости, – повторяет доктор.

– Она не здесь? – спрашиваю я, все так же тихо и хрипло.

– Нет, – отвечает он. – Ее здесь нет.

– Она жива?

– Не знаю.

Я недоверчиво смотрю на него.

– Не знаете?

– Увы, нет. Жаль, что я не могу дать тот ответ, который ты хочешь услышать, как не могу и солгать, чтобы тебя утешить, однако я искренне убежден, что честность – это важнейшая составляющая процесса нашего общения. Есть и другие, кто хочет с тобой поговорить, – позже, когда ты будешь готова. Возможно, эти люди располагают большей информацией по данному вопросу.

По данному вопросу. Ты говоришь о моей матери, говнюк! Я краснею от неприличного слова, хотя, кроме меня, его никто не слышал. Доктор Эрнандес хмурится.

– Ты в порядке?

– Когда? – спрашиваю я.

– Что, прости?

– Когда другие люди придут со мной разговаривать?

– Когда это станет возможным.

– И когда же?

– Когда ты будешь готова.

– А кому это решать?

– Мне, – говорит доктор, – после консультаций с коллегами. Я не могу озвучить точное расписание, сейчас слишком рано, но я уже сейчас могу тебе кое-что пообещать. По окончании нашей сегодняшней беседы я запрошу у других служб, связанных с этим делом, все имеющиеся сведения о твоей маме и потом передам тебе их ответ. Такой вариант тебя устроит?

Я пожимаю плечами. Знаю, доктор хочет услышать «да», но этого не дождется. Он смотрит на меня долгим взглядом, потом делает пометку в одном из блокнотов. Их четыре, и все разного размера, как и три отдельные стопки бумаги. Не понимаю, зачем ему столько сразу.

– Итак, – с улыбкой говорит он, откладывая ручку, – мой черед задавать вопрос. Не передумала?

Уговор есть уговор, шепчет мне внутренний голос.

Я снова пожимаю плечами.

– Вот и хорошо, – говорит он. – Замечательно. Как тебя зовут?

– Мунбим¹.

Улыбка доктора становится еще шире.

– Очень красивое имя.

Я молчу.

– Другие есть?

– Другие – что? – не понимаю я.

– Другие имена.

– А что, должно быть больше одного?

– У большинства людей как минимум два.

– У некоторых моих Братьев и Сестер по шесть и даже семь имен. У меня – одно.

– Вот и отлично, – говорит доктор. – Ничего необычного.

Я сверлю его взглядом. Он явно хочет что-то от меня услышать, но что конкретно, понятия не имею.

– Раз ты говоришь, что имя только одно, я тебе верю.

Не веришь. Видно же, не веришь. Хотя понятия не имею, с чего ты решил, будто я стала бы обманывать насчет имени.

– Ясно.

– А Джон Парсон? – не отстает доктор. – Как он называл тебя?

¹ Moonbeam (англ.) – лунный луч.

– Отец Джон называл меня Мунбим.

– Он...

Качаю головой.

– Не хочу говорить о нем.

– Без проблем. – Доктор вскидывает ладони – дескать, спокойно, только спокойно, и этот жест вызывает у меня желание приложить его башкой об стол. – Все в порядке. Нам не обязательно говорить о нем и вообще о чем-то, что причиняет тебе дискомфорт. Вернемся к этому, когда будешь готова. Идет?

Едва заметно киваю. Лицо доктора Эрнандеса светлеет от облегчения.

– Отлично. Твоя очередь.

– Что вы сделали с моим письмом? – спрашиваю я.

Он опять хмурит брови.

– Не понял?

– У меня в кармане лежало письмо. Во время пожара. Где оно?

– Боюсь, я не в курсе. Оно для тебя важно?

На свете нет ничего важнее.

Я изучаю выражение его лица, выискивая признаки лжи. Я всегда хорошо разбиралась в людях, особенно после того, что случилось с мамой, однако на лице доктора Эрнандеса написано лишь участие, поэтому я качаю головой.

– Забудьте.

Он кивает, хотя мой ответ определенно его не убедил.

– Ладно. Может, спросишь меня еще о чем-нибудь? Предыдущий вопрос не считается.

– У меня больше нет вопросов.

– Совсем?

На те, что я задала, ты не ответил.

– Совсем.

– В таком случае я немного расскажу о том, что здесь происходит, хорошо? Возможно, ты захочешь узнать об этом подробнее, ну и тебе будет проще освоиться в новой обстановке.

В этом я сильно сомневаюсь, но все-таки пожимаю плечами.

– Ладно.

– Отлично, – говорит доктор. Я обратила внимание, что доктор часто употребляет это слово. – Здание, где мы находимся, называется Муниципальным центром имени Джорджа Уокера Буша. Центр расположен в Одессе, примерно в пятидесяти милях от того места, где ты жила. Тебе известно, кто такой Джордж Уокер Буш?

Я мотаю головой.

– Он был президентом Соединенных Штатов, – сообщает доктор Эрнандес. – Знаешь, что это означает?

– Он возглавлял федеральное правительство.

– Совершенно верно. Джордж Буш – младший был президентом в течение восьми лет, до две тысячи девятого, и, когда он покинул пост, этот центр назвали в его честь. Отделение, в котором мы с тобой находимся, – часть так называемого безопасного блока. Люди здесь под присмотром, в безопасности. Ты помнишь, где была до того, как тебя перевели сюда?

– В больнице.

– И опять верно. Ты лежала в Мемориальной больнице Мерси, в шести милях к западу. Ты провела там четверо суток.

У меня кружится голова. Такое впечатление, будто я пролежала на той кровати несколько месяцев. *Четверо суток? Всего-то? Неужели?*

– Мне известно, что в больнице с тобой уже пытались общаться, – продолжает доктор Эрнандес. – Тебе задавали вопросы в то время, когда ты была не в состоянии на них отвечать, и

я весьма сожалею, что так вышло. Этого не следовало допускать. Отныне если кто и будет тебя интервьюировать, то исключительно после того, как я дам на это добро, заручившись твоим согласием. Обещаю.

Я киваю, наверное, уже в сотый раз. Мне кажется, этого недостаточно и доктор рассчитывает на другой, более содержательный ответ, но я не уверена, что еще от меня требуется. Можно, конечно, выдавить из себя улыбку, только вряд ли она получится убедительной.

– Ты не пленница, – говорит доктор. – Важно, чтобы ты это понимала. Да, двери тут запирают, и тебе говорят, что делать и куда идти, и вполне естественно, что в этой ситуации ты испытываешь подавленность и тревогу. Но, пожалуйста, поверь: все это в первую очередь направлено на твою безопасность, твое благополучие. Тебе нечего опасаться.

Я едва сдерживаю смехок. *Да что ты об этом знаешь, думаю я. Ничего, абсолютно ничего.*

– Так я могу уйти? – спрашиваю я.

– Гляди-ка, – на уста доктора Эрнандеса возвращается улыбка, – один вопрос все же остался.

Я молча смотрю на него.

– Мой ответ – да, – произносит он, сообразив, что я не намерена реагировать на эту, как я поняла, шутку. – Собственно, я здесь с одной-единственной целью – помочь тебе как можно скорее наладить жизнь.

– Но уйти сейчас мне нельзя?

Доктор хмурится.

– Нет. Прямо сейчас – нет.

– Значит, я все-таки пленница?

На секунду-другую он задумывается.

– Скорее, дело в твоём восприятии ситуации, – наконец говорит он. – Нужно рассматривать это как процесс, который мы с тобой пройдем вместе, и принять мысль о том, что для достижения успеха необходимо определить некие границы. Мы должны работать в таком пространстве, где ты будешь ощущать себя в безопасности, где у нас есть возможность разобраться кое в чем из того, что тебе пришлось пережить, и предпринять конструктивные шаги, чтобы проработать эти моменты. Когда этот процесс завершится и я сочту, что ты в порядке и готова к жизни, ты сможешь уйти.

Я не верю ему, ни на одно мгновение, однако озвучивать это не имеет смысла.

– Когда это случится? – интересуюсь я.

– Чем раньше приступим, тем скорее добьемся результата.

– Ладно.

– Отлично. – Доктор Эрнандес открывает один из своих блокнотов. – Мунбим, сколько тебе лет?

Уговор есть уговор.

– Семнадцать.

– Когда у тебя день рождения?

– Восемнадцать исполнится в ноябре. Двадцать первого.

– Пришлю тебе открытку, – говорит доктор. Еще одна шутка. Я смотрю на него. Он склоняется над блокнотом и что-то пишет. Я жду. Наконец он снова поднимает глаза. – Есть что-то, о чем бы ты хотела поговорить на этом сеансе? – спрашивает он. – О чем угодно, на любую тему.

– Нет.

– Точно?

– Я не лгунья, – лгу я.

– Конечно нет. – Доктор Эрнандес опять изображает жестом это свое «спокойно, только спокойно». На этот раз мне хочется треснуть его по запястьям, ведь, учитывая обстоятельства, я прямо-таки невероятно спокойна. – В таком случае, может, расскажешь мне что-нибудь? Необязательно важное, пусть это будет какая-нибудь мелочь, просто что-то из жизни.

– Что, например?

– На твой выбор. Все, что придет в голову.

Я задумываюсь. Понятно, что его интересует. То же, о чем спрашивала меня в больнице та женщина в форме, но об этом я говорить не собираюсь – ни с ним, ни с кем-либо другим, никогда, потому что вообще-то не хотела бы провести остаток жизни в тюрьме. И я не идиотка. Может, он меня таковой и считает, но это не так. Ясное дело, он не выпустит меня отсюда, пока я не скажу ему хотя бы что-нибудь. *Нужно рассматривать это как процесс*, шепчет внутренний голос. Я набираю полную грудь воздуха и начинаю рассказ.

До

Облако пыли на грунтовой дороге за главными воротами Базы слишком мало для приближающегося автомобиля, и тем не менее все четверо Центурионов направляются к нему с винтовками в руках. Гости у нас бывают редко, и большей частью незваные.

Вдоль забора закреплены таблички с надписью «Частное владение», однако порой этого недостаточно, чтобы отпугнуть посторонних. Несколько лет подряд по осени возникала проблема: первокурсники колледжей Мидленда и Одессы получали задание пробраться на Базу, что-нибудь стянуть и предъявить добытое студенческому братству. Сомневаюсь, что эта затея кому-то удалась, – обычно Центурионы шугали озорников еще на подступах к забору, с хохотом и улюлюканьем прогоняя их обратно в пустыню. И все же как минимум дважды полуголых пьяных подростков приходилось отцеплять от колючей проволоки, намотанной сверху по периметру забора. Мы накидывали на их плечи одеяла – мальчишки, бледные от шока, все в крови, тряслись и плакали, – а потом Эймос сажал их в кузов своего красного пикапа и отвозил в Лейфилд, где им могли оказать медпомощь. В конце концов эти случаи прекратились. Не знаю, может, людям просто надоело каждый год делать одно и то же.

Полагаю, насчет нынешнего визитера волноваться не стоит: на дворе белый день, и, кто бы там ни взметал дорожную пыль, он движется в открытую. Студенты, как правило, являлись с запада, с той стороны пустыни, где шоссе делало изгиб и где, как считал Хорайзен, они оставляли свои автомобили. Ну и вполне понятно, подростки совершали вылазки исключительно по ночам.

Я иду к забору, ко мне, собираясь в толпу, присоединяются Братья и Сестры: Айрис, Элис, Люк, Мартин, Агава и с полдюжины других. В желудке нарастает холодок: я приближаюсь к воротам, перед которыми в линию выстроились Центурионы, Хорайзен чуть впереди остальных. Я волнуюсь не потому, что жду неприятностей, а потому, что событие обещает разнообразить сегодняшний день, до сих пор ничем не примечательный.

Центурионы отперли дверь моей комнаты сразу после рассвета, и в Холле Легионеров я съела свой привычный завтрак: две половинки грейпфрута, два яйца вкрутую (яйца – это не овощи, так что правил я не нарушаю) и тарелку мюсли с изюмом. Пару часов я поработала в огороде за Большим домом и уже собиралась отнести садовые инструменты в сарай, когда Айрис заметила облачко пыли и позвала Центуриона, находившегося ближе остальных.

Я протискиваюсь меж широких спин Беара и Хорайзена, вглядываюсь сквозь металлические прутья главных ворот, и внезапно кожу начинает печь, как будто я слишком долго была на солнце.

По грунтовой дороге шагает мужчина. Пустынный ветер лохматит его длинные светлые волосы, швыряя пряди ему в лицо, футболка как влитая обтягивает мышцы – они так четко проступают под тканью, что я могу их сосчитать, даже на расстоянии. На нем вытертые джинсы и пыльные сапоги, за спину закинут брезентовый вещмешок, а от его улыбки у меня подгибаются колени.

– Вот это да, – выдыхает Элис. – Господи боже, не введи меня во искушение.

От ее слов меня охватывает внезапная злость – вот уж чего я от себя не ожидала! Элис – двадцать, на пять лет больше, чем мне, у нее уже две дочери, и какая-то детская часть моей натуры, о существовании которой еще пять секунд назад я и не подозревала, хочет крикнуть: «Я первая его увидела!» Разумеется, я сдерживаюсь, ведь это выглядело бы нелепо, и просто смотрю, а сердце в груди так и колотится. Незнакомец останавливается на приличном расстоянии от вооруженных Центурионов и поднимает руки, демонстрируя добрые намерения.

– Спокойно, ребята, – произносит он. – Спокойно. Я пришел с миром.

Его мурлычущий, протяжный выговор вызывает у меня жгучее желание немедленно распахнуть ворота, промчаться по дороге и броситься ему на шею, пускай он и Чужак, вполне возможно, опасный, гораздо старше меня, и пускай в Третьем воззвании четко сказано, что мне не должно иметь подобных мыслей.

– Это уж нам судить, – отвечает Хорайзен, твердо, но без откровенной враждебности. – Чего тебе тут надо?

– Я размышляю над некоторыми вопросами, – говорит незнакомец, – и слышал, что здесь возможно обрести на них ответы.

– Возможно, – кивает Хорайзен, – а возможно, и нет. Как тебя зовут, приятель?

– Нейт. Нейт Чилдресс.

– И откуда же ты, Нейт Чилдресс?

– Из Лаббока, – отвечает незнакомец – *Нейт, он сказал, его зовут Нейт*, – и мотает подбородком, указывая на дорогу, по которой пришел. – То есть родом из Лаббока, а в последнее время жил в Абилине.

– Кто сказал тебе, что здесь ты найдешь ответы? – спрашивает Хорайзен.

– Официантка из лейфилдской закуской, Бетани ее звали. Мы немного поболтали, и она посоветовала мне это место.

Спасибо тебе, Бетани, спасибо огромное.

– Что-то не верится, – хмыкает Хорайзен. – Мы с городскими редко дело имеем.

– Она так и сказала, – подтверждает Нейт. – Мол, общалась со здешними ребятишками, когда сама была девчонкой. Жалела, что они перестали приходить.

Хорайзен кивает. Трое других Центурионов стоят молча, явно предоставив ему право вести переговоры.

– Ладно, – снисходит он. – Если ищешь ответы, здесь есть тот, с кем тебе стоит потолковать. Но предупреждаю сразу, пока мы тут беседуем по-хорошему: если в сердце твоём фальшь, он ее распознает. Лгать ему бессмысленно, ибо его не проведешь, так что, если ты задумал обман, лучше разворачивайся прямо сейчас и топай туда, откуда пришел.

– Благодарю за предупреждение, – говорит Нейт. – Пожалуй, я все же рискну.

– Быть по сему, – решает Хорайзен и отпирает висячий замок на главных воротах. – Добро пожаловать в Святую церковь Легиона Господня. Ежели ты вступил на Истинный путь, надеюсь, твое пребывание здесь будет долгим и добрым. Однако это не мне решать.

Он открывает ворота, и мы расступаемся. Нейт медленно входит, по очереди кивает всем Братьям и Сестрам. Когда его взгляд падает на меня, он улыбается, и мое лицо вспыхивает алым жаром, словно поверхность Солнца. Я хочу что-то сказать – что-нибудь смешное, остроумное, *отпадное*, – но в голове царит совершеннейшая пустота, и я просто смотрю, как он проходит мимо.

– Провожу тебя в часовню, – говорит Хорайзен, передавая висячий замок Беару. – Подождешь там отца Джона.

Нейт кивает.

– Веди.

Хорайзен перекидывает винтовку через плечо и вместе с Нейтом удаляется в сторону здания, расположенного в самом центре Базы. Я и остальные следуем за ними, а когда подходим к той части двора, которая залита асфальтом, Эймос отделяется от толпы и шагает к Большому дому, оглядываясь на ходу. Хорайзен ведет Нейта вверх по ступенькам часовни, дверь за ними закрывается, а мы остаемся снаружи.

– Батюшки мои, – вздыхает Элис, и ее взгляд горит таким вожелением, что я едва не отшатываюсь. – Ох, сердце, не части! Если Пророк не позволит ему остаться, я уйду вместе с ним.

– Придержи язык, Элис, – одергивает ее Джейкоб.

– С чего это отец Джон не позволит ему остаться? – вмешиваюсь я, не обращая на него внимания.

– А с чего вдруг позволит? – подает голос Люк. – Просто так с большой дороги сюда никто не забредает. Этот тип наверняка смутян.

– Замолчи, Люк, – шикает на него Элис. – Болтаешь всякую ерунду.

– Там увидим, – пожимает плечами Люк.

– Вот именно, увидим, – парирует Элис.

В северном углу двора, на крыльце Большого дома, появляется отец Джон. Он идет к нам, за его спиной маячит Эймос. Почтительно умолкнув, толпа взирает, как он поднимается в часовню и ветер шевелит его длинные темные волосы. Он одет в серую рубашку и блеклоголубые джинсы, на лице суровое, строгое выражение, однако перед тем, как скрыться за дверью часовни, отец Джон все же удостоивает нас, свою паству, кивком. Эймос остается с нами, его изборожденный морщинами лоб нахмурен.

– Что решил Пророк? – спрашивает Люк.

– Отец Джон не отчитывается перед такими как я, – отвечает Эймос. – Он побеседует с новичком, потом посоветуется с Господом и уж тогда объявит нам решение.

– Я считаю, мы должны оставить новенького, – высказывается Элис.

– Угу, – бурчит Эймос. – И я даже знаю, каким местом ты сейчас думаешь.

– Эймос, не надо так со мной так разговаривать, – опасно прищуривается Элис. – Не стоит.

Он равнодушно пожимает плечами и отворачивается. Все остальные стоят молча и неподвижно, ожидая, пока отец Джон явит волю Господню в отношении Нейта Чилдресса. Минута идет за минутой, в небе жарит солнце, а мы с моими Братями и Сестрами напряженно прислушиваемся, стараясь угадать, что происходит в часовне.

Наконец – кажется, спустя вечность – высокая деревянная дверь распахивается, и из нее выходит отец Джон. Лицо его бесстрастно и непроницаемо. Хорайзен и Нейт вслед за ним спускаются по ступенькам во двор и, когда Пророк останавливается перед толпой, делают так же.

– В наших рядах пополнение, – сообщает отец Джон. Его голос взмывает и рокошет на легком ветерке, сплошь густые басы и естественная уверенность. – Нам еще только предстоит выяснить, способен ли этот человек стать нашим верным Братом, членом Легиона Господня, или должен быть изгнан как прислужник Змея. Истину лишь предстоит узнать, ибо от всех собравшихся здесь она сокрыта. А посему этот человек проведет ночь в наших стенах, и каждый из нас будет за него молиться. Не сомневаюсь, что с наступлением утра Всевышний явит свою волю. Господь благ.

– Господь благ, – хором отвечают все, в том числе и я.

Отец Джон кивает Нейту, затем оборачивается к Хорайзену:

– В двенадцатом корпусе есть свободная кровать. Дайте ему одеяло и проследите, чтобы его накормили.

– Да, отче, – отзывается Хорайзен.

Пророк удовлетворенно кивает и, не говоря более ни слова, широким шагом направляется обратно к Большому дому. Нейт с улыбкой обводит взглядом толпу, однако улыбка эта кажется – по крайней мере мне – довольно напряженной.

– Все слышали, что сказал отец Джон, – произносит Хорайзен. – Кто проводит этого человека...

– Я, – тут же выпаливаю я. – Я отведу его в двенадцатый корпус.

Хорайзен улыбается мне и кивает. Нейт смотрит в мою сторону, вопросительно изогнув бровь, и я затылком чувствую испепеляющий взгляд Элис.

– Хорошо, – подытоживает Хорайзен. – Нейт, Мунбим покажет тебе, где можно оставить вещи. Длинное здание на восток от часовни – это Холл Легионеров. Через полчаса ланч, присоединяйся.

Толпа постепенно расходится, двор наполнен оживленным гулом. Я не удивлена: прошло больше двух лет с тех пор, как Легион в последний раз пополнялся иначе как за счет новорожденных. Нейт перекидывает вещмешок через плечо и, широко улыбаясь, подходит ко мне.

– Мунбим, – говорит он. – Красивое имя.

Забери меня, Господи. Просто дай мне Вознестись, ведь ничего слаще этой минуты в моей жизни уже не будет.

– Спасибо, – выдавливаю я и вдруг совершенно четко понимаю, до чего нелепый у меня голос: тоненький, неровный и скрипучий, как у кошки. Почему же раньше никто мне об этом не сказал? Я всерьез задумываюсь о том, чтобы впредь вообще не раскрывать рта, однако внутренний голос – по-моему, в нем слышится добродушная усмешка – советует мне успокоиться. Я набираю полную грудь воздуха и указываю на север: – Нам туда.

– Веди, – говорит Нейт. – Там же есть горячая вода и ванна?

– Это всего-навсего деревянная коробка, – отвечаю я. – Там есть кровать. Может, парочка полок.

Нейт смеется, и внутри у меня все плавится.

– Мы с тобой подружимся, – говорит он. – Уже вижу.

После

– Когда именно Нейт Чилдресс прибыл на территорию Базы? – спрашивает доктор Эрнандес.

Я морщусь.

– Мне не нравится это слово.

– Территория?

Киваю.

– Извини, – говорит он. – Больше не буду его употреблять.

– Спасибо, – благодарю я.

Он что-то пишет в одном из блокнотов.

– Так когда пришел Нейт?

– Два лета назад.

Доктор делает еще одну пометку, после откидывается на стуле и улыбается мне.

– Мунбим, почему ты решила рассказать об этом?

– Вы вроде бы говорили, что можно рассказывать о чем угодно?

– О чем угодно, да. Просто хотелось бы знать, счастливое ли это воспоминание.

Я задумываюсь. Все мои воспоминания запятнаны тем, что случилось позже, все испачкано, искажено, изуродовано, однако я пытаюсь вспомнить, какие чувства испытывала в тот день, когда появился Нейт, что чувствовала *на самом деле* и как радовалась, когда отец Джон возвестил, что Нейту позволено остаться.

– Да, – наконец подтверждаю я. – Это счастливое воспоминание.

– Почему?

– Потому что Нейт был моим другом.

Мы долго сидим в тишине. Доктор Эрнандес смотрит на меня с легкой полуулыбкой, а я гадаю, рассказала ли то, что он хотел услышать, устроила ли его моя история – хотя бы пока. Отец Джон ревет и беснуется у меня в голове, проклиная за любые разговоры с Чужаком, да к тому же с *мозгоправом*, а доктор продолжает внимательно глядеть на меня, его улыбка вполне искренна, и мне трудно понять, о чем он думает. Полагаю, он нарочно так себя ведет, но меня это все равно раздражает. Наконец после затянувшегося молчания – не слишком приятного, однако и не то чтобы тягостного – он опускает взор на часы.

– Немного рановато, но, думаю, на сегодня закончим, – говорит он. – Если ты, конечно, не против.

Я стараюсь не выказать нахлынувшего облегчения.

– Не против, – говорю я.

– Но прежде, чем мы расстанемся, я должен задать еще один вопрос, – продолжает он. – Скажи, пожалуйста, где именно на терр... на Базе ты жила?

– Это вам зачем?

– После того как пожар потушили, мы собрали в жилых помещениях уцелевшие личные вещи и хотели бы по возможности вернуть их владельцам.

Сердце взволнованно стучит у меня в груди.

– Что вы нашли?

– Имеешь в виду что-то конкретное?

– Нет, – вру я.

– Так где именно ты жила?

– Девятый корпус. Квадратное здание на юго-западе. Моя комната располагалась в западном торце, у самого забора.

Доктор Эрнандес кивает, делает запись в блокноте. Когда он поднимает глаза, то снова улыбается.

– Я доволен нашим прогрессом, – признается он. – По-моему, это отличный старт. Тебе следует гордиться тем, как ты провела сегодняшнее утро, и тем, что ты нашла в себе силы задавать вопросы и отвечать на них. В дальнейшем это будет крайне важной частью процесса. Что ты чувствуешь по этому поводу?

– Ничего, – говорю я, и это чистая правда.

– Понимаю, – произносит доктор. Уверена, он действительно так считает, хотя на самом деле ничего понимать не может. – На будущее желательно, чтобы наши сеансы длились полный час, но сегодня об этом не стоит беспокоиться. Тем не менее я бы хотел, чтобы мы встречались каждое утро. Что скажешь?

– Разве у меня есть выбор? – спрашиваю я.

Он улыбается.

– Разумеется есть. Но установленный распорядок – очень важная штука и... что?

Я улыбаюсь. Просто не могу сдержаться.

– Ничего.

Он слегка склоняет голову набок.

– Точно?

– Точно.

– Хорошо, – говорит доктор, хотя я вижу, что он мне не верит. – Как я уже сказал, на нашем пути к цели крайне важен распорядок, и, не сомневаюсь, мы оба хотим, чтобы ты покинула эти стены как можно скорее.

Аминь.

Киваю.

– Отлично. Хочешь еще о чем-нибудь спросить напоследок?

Секунду-другую я размышляю. Оказывается, хочу.

– С моими Братьями и Сестрами вы тоже разговариваете?

– Меня закрепили за тобой и еще двумя выжившими. С остальными шестнадцатью работают мои коллеги.

– С кем?

– Не понял – что?

– С кем вы общаетесь помимо меня?

– Боюсь, это конфиденциальная информация. Однако на другом сеансе, в котором я хочу попросить тебя поучаствовать, ты легко это выяснишь.

– Что еще за другой сеанс? – хмрю брови я.

– Мы с тобой будем встречаться каждое утро в десять, после завтрака, – поясняет доктор Эрнандес. – Твой ланч по расписанию в половину первого, а после него я приглашаю тебя к участию в сеансе КСВ – контролируемого социального взаимодействия.

– Что это такое?

– Вид групповой терапии. Он позволяет мне и моим коллегам наблюдать за общением людей, переживших травматичный опыт, и создает пространство для органичного развития их взаимодействия в контролируемых условиях.

Я таращусь на доктора. Как много непонятных слов.

– То есть на этом сеансе буду я, вы и все ваши коллеги?

Он улыбается и качает головой.

– Не совсем.

Ровно в двенадцать тридцать сестра Харроу приносит ланч. Сегодня он состоит из мясного рулета с картофельным пюре, политым ярко-красным соусом, сладким, как карамель,

однако я действительно проголодалась, поэтому усаживаюсь за стол и ем, одновременно размышляя о докторе Эрнандесе.

Я ему не доверяю. Несмотря на то что какая-то часть моего сознания пылко и отчаянно жаждет этого, доверять ему я попросту не могу. Само собой. Но не потому, что он Чужак, – хотя это по-прежнему первое, что приходит мне в голову, когда я о нем думаю. Причина вот в чем: я не понимаю – сейчас, в эту минуту, – чего ему надо.

Я хочу верить, что у него нет иных целей, кроме как помочь мне прийти в себя и покинуть это место, однако не могу себе этого позволить. Так много погибших – шестьдесят семь человек, если в списке выживших, который человек в костюме зачитал мне в больнице, нет ошибок, – а я знаю кое-что, точнее, сделала кое-что, о чем и доктор Эрнандес, и остальные, кого он упоминал, хотели бы меня расспросить. Но об этом я никогда и никому не расскажу.

Шестьдесят семь погибших, шепчет внутренний голос. *Шестьдесят семь жертв*. К горлу подкатывает комок. *Но восемнадцать человек живы*, продолжает голос. *Вместе с тобой – девятнадцать. Это ведь что-то да значит*.

Я крепко зажмуриваюсь, потому что не могу думать об этом прямо сейчас. Обо всем этом. В темноте передо мной возникает лицо доктора Эрнандеса. Немного неожиданно, однако я заставляю себя сфокусироваться на нем, на *докторе*, и вот наконец комок в горле тает, голова проясняется и я вновь чувствую себя почти нормально.

По мере продолжения сеансов в «Кабинете для интервью № 1» меня удивили две вещи. Во-первых, я обнаружила, что хочу говорить с доктором Эрнандесом, а во-вторых, осознала, что в этом нет ничего плохого. Я в общем и целом представляю, что такое психиатрия, хотя после Чистки отец Джон четко внушил нам, что любые методы врачевания, кроме молитвы, суть орудия Змея. Иногда мама упоминала об этом (хотя и не должна была) в те редкие моменты, когда говорила со мной о моем отце. Видимо, он посещал какого-то специалиста каждую неделю, пока не переехал на Базу, и, пускай мама называла этого доктора «психологом», уверена, смысл был тот же. Работа психолога заключается в том, объясняла мама, чтобы помочь людям снять напряжение, раскрыть душу и начать проговаривать сложные или болезненные – либо и сложные, и болезненные – для них темы.

«МОЗГОПРАВЫ ПЫТАЮТ! – визжит отец Джон. – ВОНЗАЮТ В ДУШУ ОСТРЫЕ КОГТИ, ЦАРАПАЮТ И РАЗДИРАЮТ ЕЕ! НАСИЛЮЮТ! ОБРЕКАЮТ ГОРЕТЬ В АДУ!»

Его голос грохочет в моей голове гулками раскатами грома, вызывает мурашки, хоть я и понимаю, что на самом деле его не существует. Я мысленно велю Пророку заткнуться, потому что хочу верить доктору Эрнандесу, который сказал, что не враг мне и не желает мне зла. Я очень хочу ему верить, просто не могу. Пока не могу.

Покончив с едой, я ложусь на кровать. Через маленькое окошко, намеренно расположенное слишком высоко, так, что не дотянуться, виден узкий прямоугольник неба. Я вспоминаю небо на Базе, бескрайнюю и пронзительную дневную синеву, яркую до боли в глазах, и неизмеримо глубокую ночную темноту, до самой земли усыпанную звездами, – небосвод, озаренный триллионами мерцающих огоньков.

Слезы собираются в уголках глаз и текут по щекам, а мягкий внутренний голос шепчет, что я обязана быть сильной. Это так, знаю, но слезы все равно каплют, ведь даже сильной девушке не запрещается скучать по Братьям и Сестрам, солнцу, небу и пустыне. Одно другого не исключает, ибо на свете нет абсолютного зла, как нет и абсолютного добра, всё где-то посередине.

Услыхав привычный звук поворачивающегося ключа, я сажусь в кровати и смотрю на часы. Светящиеся цифры говорят, что сейчас без пяти два. Дверь открывается, сестра Харроу спрашивает, упоминал ли доктор Эрнандес о КСВ. Я киваю, и она говорит: пора.

Я встаю и следую за ней по длинному коридору мимо одинаковых дверей, пока наконец мы не приближаемся к той, возле которой на стене висит табличка с надписью «Кабинет

групповой терапии». Сестра Харроу отпирает дверь и делает шаг в сторону, пропуская меня. Невыносимо тянутся секунды, я не двигаюсь с места. Просто стою посреди серого коридора и прислушиваюсь.

Из комнаты доносятся голоса, но звучат они не как взрослые, а скорее похожи на звонкие, оживленные голоса детей. Я вдруг узнаю один из них, затем другой, третий, сердце замирает в груди, я проношусь мимо улыбающейся сестры Харроу в комнату и только-только успеваю разглядеть лица младших Братьев и Сестер, как передо мной вырастает Люк. Он немедленно желает знать, что я натрепала Чужакам.

– Ничего, – автоматически лгу я. – Вообще ничего.

– Смотри у меня, – шипит Люк. – Лучше помалкивай.

Я гляжу на него. Таким злобным я вижу Люка впервые: лицо красное, глаза горят, пальцы сжаты в кулаки, – и эта злоба неспроста. За его спиной – Хани, Люси, Рейнбоу и Джеремайя, а остальные стоят у дальней стены. Это помещение гораздо просторнее той комнаты, где мы разговариваем с доктором Эрнандесом, в нем много столов, стульев и коробок с играми и игрушками. Все дети смотрят на меня, сияя улыбками, радость и облегчение переполняют мое сердце, однако внутренний голос предупреждает: будь осторожна. *Очень осторожна.*

– Сказала же, ничего я им не натрепала, – говорю я Люку. – Отвали.

Он вцепляется мне в предплечье так, что белеют костяшки, и мне действительно больно, но я этого не показываю и прожигаю Люка взглядом.

– Пусти ее, Люк, – вмешивается Хани. – Ты не имеешь права устраивать допросы. Тебя главным не назначали.

Люк рывком разворачивается к ней.

– Заткнись! – кричит он. – Ты должна гореть в аду за то, что натворила, поэтому закрой свой поганый рот! Никто не хочет слушать твою ересь!

– Может, и так, – отвечает Хани. – Но я не в аду, а здесь, так что просто отпусти ее, да, Люк? Вряд ли ты кого-нибудь напугал.

– Надо было оставить тебя в том ящике, маленькая шлюха, – выплевывает Люк, – чтобы ты там сдохла!

Внутри у меня все холодеет, однако Хани, побледнев, продолжает спокойно смотреть на Люка. Ей всего четырнадцать, но никого храбрее я не встречала. Она гораздо храбрее меня.

– Хватит, Люк, – говорю я фальшиво-ровным тоном. – Я никому ничего не разболтала. Утихомирься.

Он снова поворачивается ко мне, и я вижу – теперь с ужасающей ясностью, – что в его глазах клубится безумие, которое я разглядела слишком поздно.

– Господь испытывает нас, – громким, подрагивающим голосом произносит он. – Он слышит каждое наше слово. Он здесь, среди нас.

– Я тебе верю, – говорю я. – Пожалуйста, отпусти мою руку. Я хочу обнять наших Братьев и Сестер.

Он еще сильнее вонзает пальцы в мою плоть, затем наконец разжимает хватку. Я пачусь, после разворачиваюсь, пересекаю комнату и обнимаю Хани. Пока другие дети бегут к нам, я шепчу ей в ухо так тихо, чтобы никто больше не услышал:

– Знаю, у тебя есть вопросы. Насчет пожара. Но помни, что означает «К» в КСВ.

Я выпускаю ее из объятий. Встретившись со мной взглядом, она кивает. В это мгновение на нас гурьбой налетают малыши. Братья и Сестры толпятся, обнимая меня ручонками, и наперебой рассказывают, как мне рады, ведь они думали, что я Вознеслась вместе с остальными, и как чудесно, что я жива. Я вижу на лице Люси лиловые и черные синяки, и по моему лицу во второй раз за день катятся слезы. Я плачу не потому, что синяки у нее из-за меня, хотя вполне могло случиться и так, а потому, что это зрелище – стайка напуганных детей, запер-

тых в здании, где полно незнакомцев, – ужасно, в нем нет ничего благого, ничего истинного. Подобное вообще не должно было произойти. Нельзя, никак нельзя было допускать такое.

– О чем они тебя спрашивали? – интересуется Аврора, одна из двух дочек Элис. В памяти всплывает картина: лужа крови на потрескавшейся земле, и до меня вдруг доходит – по-настоящему доходит, хотя в глубине души я знала это и раньше, – что и Аврора, и ее сестренка Уинтер теперь сироты.

Боже.

Одной шесть, другой пять, и они круглые сироты.

Боже.

– Ни о чем, – говорю я. Высвобождаюсь из дюжины маленьких ручек и встаю. – Правда. Меня всего два дня назад выписали из больницы.

Аврора показывает пальчиком на мою забинтованную кисть.

– Ты обожглась?

Я киваю.

– Тебе больно?

Я мужественно улыбаюсь и лгу:

– Терпимо. Но до вчерашнего дня я ни с кем не общалась из-за того, что лежала в больнице. А тебя о чем спрашивали?

– О жизни, – отвечает Аврора. – Чем мы каждый день занимались, что кушали, и все такое.

– С тобой разговаривает доктор Эрнандес?

Аврора качает головкой.

– Доктор Келли. Она хорошая, хоть и из Чужаков. Все просит, чтобы я рисовала.

– Рисовала что? – встревает Люк. Я оборачиваюсь и вижу его хмурое лицо.

– Она говорит, это неважно. Что в голову придет.

– И что же ты для нее нарисовала? – любопытно я.

– Единорога.

Я улыбаюсь.

– А еще?

– А еще отца Джона, – сообщает Аврора. – Я нарисовала, как он сидит на золотом коне и сокрушает прислужников Змея.

На физиономии Люка расплывается широкая улыбка, тогда как моя – меркнет.

– И что на это сказала Чужачка? – спрашивает он.

– Ничего, – отвечает Аврора. – Она просто положила мой рисунок в папку и спросила про школу.

– Умница, – хвалит малышку Люк. – Ничего им не говори. Что бы там она тебе ни пела в уши, не сходи с Истинного пути. Господь благ.

– Господь благ, – с сияющими глазами произносит Аврора.

Остальные – многие, но не все – эхом повторяют за ней эти слова, а Люк сверлит меня взглядом, пока я не выдавливаю то же самое.

– Чужаки лгут, – говорит он, поворачиваясь обратно к детям. – Слушайте меня внимательно: Чужаки лгут. Их сердца поражены недугом, тьмой, которую туда запустил и вскормил сам Змей. На их глазах случилось чудо: Пророк, а также наши Братья и Сестры Вознеслись на небеса и по праву заняли места подле Всевышнего, но узрели ли это Чужаки? Упали ли они на колени, отреклись от ереси? Взмолились ли о прощении? Нет! Отрава в их душах помешала им уверовать в истинность чуда, свидетелями которого они стали. Можете пожалеть их, но помните, кто они такие и кому служат. Они будут стремиться разорвать нашу связь с Господом, сбить нас с пути, открытого лишь для нас, воистину преданных Богу, но мы этого не допустим. Не допустим, ибо нам есть вечное утешение, и всякий из нас знает, что это есть истина.

Господь испытывает нашу веру, однако мы пройдем испытание, если сохраним стойкость и не отклонимся от пути. Наш час скоро пробьет!

Люк делает паузу. Я гляжу на него, и меня мутит от ужаса; я мысленно молю Хани, чье лицо искажено омерзением, которое она не может – или не желает – скрывать: молчи, только молчи. Доктор Эрнандес с коллегами видят происходящее, убеждаю себя я, они не позволят случиться беде, и все же в эту минуту КСВ вовсе не кажется мне такой безопасной затеей, как описывал доктор, и я даже думать не хочу, что вытворит Люк, если Хани скажет ему поперек еще хоть слово.

Люк обводит глазами восхищенные лица юных Братьев и Сестер, затем поворачивает голову и смотрит в верхний угол. Проследив за его взглядом, я замечаю направленную на нас камеру видеонаблюдения.

– А прислужникам Змея я скажу так, – продолжает Люк. – Можете пытаться развратить нас, подорвать нашу веру и втянуть нас в скверну. Мы лишь рады этому, ибо вера наша крепка, а страх нам неведом. Мы стоим перед вами, плечом к плечу. Мы выстоим, и, когда Господь сочтет нужным, мы Вознесем к Нему, а вам суждено вечно ползать на брюхе в геенне огненной. – Несколько долгих секунд Люк смотрит на камеру в полной тишине, после отворачивается и опускается на колени. – Помолитесь вместе со мной, – обращается он к детям.

Они охотно окружают его и берутся за руки. Хани старается держаться от Люка подальше, но тоже встает в круг – вот и хорошо, ради нас обеих. Надеюсь, она поняла то, что я успела шепнуть. Ей необходимо кое-что знать, и рассказать об этом могу только я, но не сейчас, когда вокруг полно ушей.

Я встаю на колени, Аврора осторожно берет мою забинтованную ладонь в свою, Рейнбоу крепко стискивает другую руку. Перед тем как закрыть глаза и опустить голову, Люк пронзает меня ледяным взглядом, и я считываю его недвусмысленное послание. *Я за тобой слежу.*

Впрочем, я его не виню. Правда. Он относился ко мне с подозрением задолго до пожара и был прав. Он и сейчас прав. Потому что у меня есть тайна, которую я никогда не открою ни доктору Эрнандесу, ни кому-либо другому.

Это из-за меня Аврора, Уинтер и еще много их Братьев и Сестер остались сиротами, из-за меня столько людей погибло. Это все моя вина.

После

Мне снова приснился кошмар. Не такой жуткий, как в прошлый раз, но все равно страшный. Пламя и кровь.

Когда вчера после сеанса КСВ я вернулась к себе, то обнаружила на столе пакет. Я долго смотрела на него, прежде чем открыть. Пальцы у меня дрожали, ведь через прозрачный пластик я разглядела вещи, которые в последний раз видела в своей комнате на Базе. Ножей с гравировкой на рукоятках среди них не было, не нашлось и фотографии моих бабушки с дедушкой, и страницы из отцовского дневника. Видимо, это, как почти все остальное, превратилось в пепел. Не было в пакете и моего письма, чему я не удивилась. Морская раковина, однако, сохранилась, и часы с замершими стрелками тоже. Папины часы.

Проснувшись, я погладила их круглое стекло; в голове все еще теснились обрывки дурного сна. Я сложила все предметы обратно в пакет и принялась ждать сестру Харроу с завтраком.

Еда не лезла мне в горло. Сестра Харроу, пришедшая отвести меня на сеанс к доктору Эрнандесу, спросила, все ли у меня в порядке, и я соврала, ответив «да». Скорее всего, она мне не поверила, но с расспросами больше не приставала, а просто проводила в «Кабинет для интервью № 1». И на том спасибо.

– Мунбим, как ты себя сегодня чувствуешь? – интересуется доктор Эрнандес.

Я ерзаю на диване и пожимаю плечами.

– Ты хорошо спала?

Мотаю головой.

– Ты...

– Вы смотрели? – перебиваю я. – Ну то есть вчера, когда нас собрали вместе.

Он кивает.

– На сеансах КСВ всегда ведется наблюдение.

– Значит, так все и должно было происходить? По-вашему, это нормально?

– В этом виде терапии нет каких-то определенных правил, – поясняет доктор Эрнандес. – Это процесс естественного общения, его выстраивают сами участники.

– Но КСВ должно помогать, разве нет?

– Цель именно такова. Мунбим, могу я узнать, что тебя беспокоит? То, что сказал Люк?

Что же еще.

– Боюсь, я не очень представляю, в чем польза таких высказываний.

– Понимаю тебя, – говорит доктор. – Вполне понимаю. Видишь ли, психологическая реабилитация Люка проходит не так, как у тебя, Мунбим, и не так, как у Хани, Рейнбоу и всех прочих. Люди по-разному справляются с травмой.

– И вы не считаете, что разрешать ему вести эти речи опасно?

Доктор Эрнандес откидывается на стуле.

– Ты действительно полагаешь, что слова Люка несут опасность, или же тебе тяжело их слышать потому, что ты в это не веришь?

Я смотрю на него, а в голове ревет отец Джон: «ЛИШЬ ЕРЕТИЧКА МОГЛА НЕ ТО ЧТО ПОПАСТЬСЯ, А ДАЖЕ ПРИБЛИЗИТЬСЯ К СТОЛЬ ОЧЕВИДНОЙ ЛОВУШКЕ, ЛИШЬ БЕЗМОЗГЛАЯ, НИКЧЕМНАЯ ПРИТВОРЩИЦА!»

– Если бы я увидел в действиях Люка угрозу, – наконец произносит доктор Эрнандес, – то прервал бы сеанс. Я обещал тебе безопасность, и это наш главный приоритет. КСВ часто включает в себя бурные споры, даже разногласия и ссоры, из-за чего обстановка порой нака-

ляется, однако весь процесс от начала до конца находится под наблюдением и контролем. Тебе не стоит волноваться.

– Хорошо. – Я ни на секунду не верю ему, но какой смысл сообщать об этом? Остается надеяться, что я ошибаюсь, а он прав.

– Хочешь еще поговорить о КСВ? Это совершенно нормальное желание. Качаю головой.

– Ладно, – кивает он. – Отлично. Тогда...

– У вас есть дети? – перебиваю я. Вопрос возник у меня вчера ночью, перед сном, и спросить нужно прямо сейчас, чтобы не забыть о нем, когда мы сменим тему.

Доктор Эрнандес хмурит лоб.

– Почему тебя это интересует?

– Вы сказали, что ваша работа – помогать детям. Просто хочу знать, есть ли у вас свои, – объясняю я.

– Справедливо, – заключает он. – Вполне логичный вопрос. Нет, у меня нет детей. Для тебя это имеет значение?

Ответ меня слегка разочаровывает: я-то думала, ему придется не по нраву, что я спрашиваю его о личном, а не наоборот, но, кажется, доктора Эрнандеса это ничуть не задело.

– Мунбим?

Он задал вопрос, шепчет внутренний голос. Для тебя это имеет значение? Скажи правду.

– Да нет, – отвечаю я. Ничего особенного, просто мысли перед сном. – Думаю, можно быть хорошим ветеринаром и не имея домашних питомцев.

Доктор издает сдвленный смешок, на какую-то миллисекунду в его глазах мелькает ужас, а потом он сдается и долго хохочет в полный голос так, что краснеет лицо. Я улыбаюсь, потому что мне приятен этот смех, хоть и очевидно, что смеется он надо мной.

– Прошу прощения, – выдыхает доктор Эрнандес, кое-как успокоившись. – Только не подумай, что я смеялся над тобой. Просто я в жизни не слышал лучшего обоснования того, чем занимаюсь. Надо обязательно запомнить на будущее, чтобы при случае использовать.

– Рада быть полезной. – Я все еще улыбаюсь. – И как же вышло, что вы не обзавелись детьми?

– Моя жена в юности перенесла болезнь, – говорит он, и моя улыбка сползает. – Потом она выздоровела, но с тех пор не может иметь детей.

– Мне очень жаль.

– Ничего, все в порядке, – кивает доктор Эрнандес. – Но все равно спасибо.

– Вы давно женаты?

– А ты сегодня любопытна.

– Вы говорили, задавать вопросы – это хорошо.

– Точно, говорил. – Доктор улыбается. – Мы познакомились в колледже. Женаты уже шестнадцать лет.

– Как ее зовут?

– Марион.

– Она красивая?

– Прекраснее никого на свете нет.

– Ну это вряд ли, – прячу улыбку я. – Без обид.

– Без обид. – По лицу доктора Эрнандеса я вижу, что он искренен. – Любовь меняет твоё зрительное восприятие. Ослепляет тебя – в хорошем смысле. Я смотрю на Марион, и разум может выдать мне объективную информацию о том, что, возможно, она не самая красивая женщина на планете, но это абсолютно неважно. Для меня она красавица.

Я улыбаюсь еще шире. Здорово, наверное, когда есть человек, который так о тебе думает, когда ты знаешь, что на всей Земле он выбрал тебя и только тебя. Но потом я вспоминаю, как отец Джон смотрел на Эсме, Беллу, Агаву и других девочек, и моя улыбка гаснет.

От моего собеседника это не укрывается.

– Мунбим, все хорошо?

– Да, все в порядке.

– Есть еще вопросы или начнем?

– Два вопроса, – киваю я.

– Полагаю, первый касается твоей мамы?

Снова киваю.

– Я отправил запрос руководителю рабочей группы, которая ведет расследование по делу Легиона Господня. Он подтвердил, что запрос получен, но пока ничего не прислал. Как только появится хоть какая-то информация, я тебе сообщу.

– Спасибо. – Что такое «рабочая группа», я не знаю, но благодарна доктору Эрнандесу. – Я вам признательна.

– Я ведь обещал, – отвечает он. – И еще обещал, что не стану тебе лгать.

На это мне нечего сказать, потому что люди сплошь и рядом обещают не лгать, а после обязательно лгут. И если уж даже мне это известно, то доктору Эрнандесу и подавно, ведь он гораздо старше меня и всю жизнь провел среди Чужаков.

– А какой второй вопрос? – интересуется он.

Я делаю глубокий вдох.

– Что меня ждет?

Он хмурит брови.

– Мы вместе будем работать над процессом твоего восстановления, как и говорили вчера, а затем...

– Я о другом, – перебиваю я. – Не о том, что будет происходить здесь, в этом кабинете. Что потом?

– Я не совсем...

– Вы сказали, со мной хотят поговорить другие люди. Что будет, когда вы дадите на это разрешение?

Мы бесконечно долго смотрим друг на друга. Я заставляю себя не ерзать на диване, а сидеть неподвижно, не отводить глаз и дожидаться ответа.

– Не знаю, – в конце концов нарушает тишину доктор Эрнандес. – Понимаю, мои слова тебя не утешат, и прости меня за это, но моя задача – проработать все то, через что тебе пришлось пройти, и постараться подготовить тебя к дальнейшей жизни, как бы она ни сложилась. Прочее от меня не зависит.

– Меня отправят в тюрьму?

«ТЮРЬМА – СЛИШКОМ ЛЕГКОЕ ДЛЯ ТЕБЯ НАКАЗАНИЕ!» – взывает отец Джон, и его вопль эхом разносится в моем сознании.

Доктор Эрнандес вновь хмурится.

– С какой стати?

Паника захлестывает меня с головой.

– Ни с какой, – отвечаю я, стараясь не выдать дрожи в голосе. – Забудьте.

Доктор молча смотрит на меня – решает дилемму: зацепиться за мои слова или не реагировать.

– В тюрьму попадают только те, кто совершил преступление, – произносит он. – Есть о чем рассказать, Мунбим?

Да.

Я мотаю головой.

– Уверена?

– Можем сменить тему? – спрашиваю я, ненавидя себя за умоляющие нотки в голосе. – Пожалуйста.

Доктор Эрнандес устремляет на меня внимательный взгляд, затем долго пишет в блокноте.

– Конечно можем, – соглашается он, в конце концов оторвав глаза от страницы. – Помоему, отличное предложение. Я как раз кое о чем думал после нашей вчерашней беседы. Мои слова о важности распорядка вызвали у тебя эмоциональный отклик. Я прав?

Ясен пень.

Киваю. Доктор Эрнандес откидывается на спинку стула.

– Объяснишь причину?

До

Эймос – единственный, кому разрешается выходить во Внешний мир. По пятницам он с утра уезжает на красном пикапе, оставшемся после Исхода Дезры, и возвращается пять-шесть часов спустя с полным кузовом фруктов, муки, солярки, бобов, макарон и тяжелых мешков с семенами. Эймос не Центурион, однако он был призван на Истинный путь одновременно с Пророком, поэтому доставка припасов – необходимое зло, как говорит Хорайзен, – поручена именно ему: Господь сказал отцу Джону, что Эймос лучше прочих сумеет устоять перед соблазнами греховного мира за стенами Базы.

Сам отец Джон выезжать не может – прислужники Змея убьют его при первой же возможности, – однако Внешний мир таит опасность для всех Легионеров, даже самых преданных; он развращает и портит, его тьма просачивается даже в самое невинное сердце. Поэтому, пока мои Братья и Сестры занимаются разгрузкой припасов, отец Джон непременно ведет Эймоса в часовню, чтобы очистить его от скверны, благословить и удостовериться, что тот по-прежнему следует Истинным путем.

Эймос пришел в пустыню много лет назад вместе с Пророком. Он любит повторять, что во Внешнем мире не нашел ничего, кроме отчаяния. Много раз – даже не припомню сколько – он говорил мне, что отец Джон спас его душу от некоего проклятья и что теперь он не задумываясь отдаст за Пророка жизнь. А я всегда говорю: надеюсь, этого не потребуется.

Сегодняшняя пятница ничем не отличалась от предыдущих. После завтрака все помахали на прощание Эймосу и приступили к своим обязанностям: занялись нескончаемыми делами, благодаря чему жизнь на Базе течет гладко и все члены нашей большой семьи здоровы и счастливы. В этот день я трудилась вместе с Хани на пустыре за восточными грядками: мы выворачивали из неподатливой, твердой земли тяжелые камни и оттаскивали их в кучу позади часовни. Работа не из легких, я жутко устала и взмокла от пота. Из-за этого я плохо соображаю и, хотя небо уже начало темнеть, замечаю отсутствие Эймоса только по пути к себе в комнату, когда Нейт вслух задается вопросом, что могло его так задержать.

На какое-то время повисает тишина. Большинство Братьев и Сестер собрались во дворе, как обычно в конце рабочего дня, перед тем как звон колокола созовет всех на ужин. Многие хмурятся и беспокойно поглядывают на главные ворота.

– Уже седьмой час, – произносит Беар. – Не пора ли сообщить отцу Джону?

Однако едва он успевает договорить, как издалека доносится звук. Грунтовая дорога от ворот Базы до шоссе длиной почти в милю, поэтому рычание мотора достигает наших ушей гораздо раньше, чем мы различаем светящиеся фары пикапа.

Лоунстар трусцой бежит к воротам и распаивает их. Не проходит и полминуты, как Эймос влетает во двор на такой скорости, что Лоунстар вынужден отскочить в сторону, чтобы не попасть под колеса. Взвизгивают тормоза, в воздух взметается удушающее облако пыли, пикап резко останавливается посреди двора, и, когда Эймос появляется из авто, глаза у него выпучены, а рубашка испачкана кровью.

– Напали, – выдыхает он. – Возле хозяйственного магазина. Напали на меня втроем.

Нейт широким шагом направляется к Эймосу, его красивое лицо озабочено. Что бы ни случилось, Нейт всегда так спокоен, так невозмутим.

– Ты ранен? – спрашивает он.

Эймос качает головой и делает глубокий, с присвистом, вдох.

– Я в порядке. Отхватил пару тумачков, пока добрался до машины, но ничего серьезного. Они гнались за мной, представляешь, Нейт? На двух пикапах. Висели у меня на хвосте почти до самого Лаббока, пока им не надоело и они не отстали.

– С чего все началось? – задает вопрос Нейт.

Я смотрю на него, не свожу глаз с четко очерченного подбородка и алых пятен на скулах, которые вспыхивают всегда, когда он рассержен. Знаю, мне следовало бы глядеть на Эймоса, ведь он пострадал и явно стряслось что-то плохое, и все же мой взор прикован к Нейту. Я часто на него смотрю.

– Да ни с чего, – отвечает Эймос. – Я перекладывал покупки из тележки, а этот тип спросил, откуда я. Не то чтобы его это интересовало, он и так знал.

– И что он сказал?

– Спросил, не из тех ли я извращенцев, что сбились в Божий Легион. – При этом воспоминании лицо Эймоса багровеет. – Потом спросил, успел ли я сегодня трахнуть собственную дочку.

Толпу, окружившую пикап, облетает гул негодования. Слышатся возгласы «ересь» и «Змей», некоторые из моих Братьев и Сестер тут же закрывают глаза и начинают молиться.

– А ты ему что?

Эймос мрачно ухмыляется.

– Сказал, что у меня нет дочки.

Смех Нейта разносится по двору.

– Хороший ответ, – одобряет он. – Видимо, после этого он на тебя и набросился?

– Да, – кивает Эймос. – Вместе с двумя друзьями.

– Ты дал им сдачи?

Вопрос, заданный знакомым раскатистым голосом, исходит не от Нейта. Головы всей толпы как по команде поворачиваются в сторону Большого дома. Отец Джон стоит на крыльце, его длинные темные волосы колышутся на свежем вечернем ветерке. На нем те же серая рубашка, джинсы и сапоги, что и всегда; пронзительный взгляд устремлен на того, кто стоит у пикапа.

– Нет, отче, – говорит Эймос. – Я вырвался и убежал.

Отец Джон кивает.

– Все правильно. – Он удостаивает Эймоса скупой улыбкой. – Ты проявил верность Господу нашему, как я и ожидал.

Краем глаза я замечаю, как недовольно хмурится Люк. Ему семнадцать, он старше меня всего на месяц или около того – по крайней мере, насколько это известно, – и всю свою жизнь он провел на Базе. Каждое воскресное утро отец Джон повторяет нам, что лишь самым достойным людям, лучшим из лучших, самым преданным и истинно верующим, позволено служить в Легионе, ибо Господь не ошибается, и думать иначе – лютая ересь. И все-таки я не уверена, что Люк подходит критериям отбора. Отнюдь не уверена.

Когда нам обоим было по двенадцать, я застучала его за сараями, где он издевался над опоссумом и так жестоко изранил его ножом, что Эймосу пришлось избавить бедного зверька от мучений, пристрелив из ружья. Люку досталось за тот проступок – отец Джон неустанно напоминает, что мы должны с уважением относиться ко всем тварям Божьим, даже самым малым (конечно, за исключением Чужаков), – и он так и не простил мне, что я тогда на него пожаловалась. Иногда я ловлю на себе его взгляд, и мне становится жутко.

– Прислужники Змея напали на одного из наших Братьев! – громко восклицает Люк. – Подстерегли, избили, а потом гнались за ним почти через весь округ! Завтра же с утра мы должны отправиться в Лейфилд и показать им, что такое возмездие Господне!

Над толпой проносятся шелест голосов. Многие из тех, что мне удастся разобрать, не согласны с Люком, но не все. Далеко не все.

– Значит, вот как ты бы поступил, да, Люк? – спрашивает отец Джон. Его голос превратился в низкий рокот, однако тон кажется почти дружелюбным. У меня по спине пробегают мурашки, а толпа вновь мгновенно умолкает.

– Да, отче, – сверкая глазами, подтверждает Люк. – Именно так. Я сделаю это, только дай приказ.

– Ты подчинишься моему приказу?

– Да, отче.

– Беспрекословно?

– Да, отче.

– И после того, как я похвалил брата Эймоса за то, что он подставил другую щеку, ты взываешь к мести? – Отец Джон постепенно повышает голос. – Перед лицом своих Братьев и Сестер, в этом самом месте, созданном нашими общими силами, ты смеешь думать, что знаешь волю Господню лучше меня? Так велика твоя гордыня?

Люк вздрагивает, но продолжает смотреть в глаза Пророку.

– Ты усомнился во мне, Люк?

Люк не отвечает. Отец Джон делает шаг вперед, к краю крыльца. На лице разлита бледность, взгляд пронзителен.

– Я задал тебе вопрос, Люк, – произносит он, и голос его нарастает, словно катящаяся с горы лавина камней. – Я задал вопрос, И ВО ИМЯ СВЯТЕЙШЕГО ГОСПОДА ТЫ МНЕ ОТВЕТИШЬ, А ИНАЧЕ БУДЕШЬ ЛЮБОВАТЬСЯ ЯЩИКОМ ИЗНУТРИ ДО САМОГО АРМАГЕДДОНА!

Этот голос так гремит, что кажется почти нечеловеческим; его раскаты грохочут и ударяют в уши, словно гром. Люк отшатывается, в глазах плещется страх. Несколько моих Братьев и Сестер пятятся, ошеломленные внезапной яростью Пророка.

– ОТВЕЧАЙ! – ревет отец Джон.

Люк нервно сглатывает.

– Нет, отче, – едва слышно бормочет он. – Я не усомнился в тебе. Прости меня.

– Признаешь ли ты свою гордыню? – вопрошает отец Джон уже обычным тоном. Обратная перемена в голосе происходит так же резко и неожиданно.

Люк буравит взглядом асфальт под ногами.

– Да, отче.

– Понимаешь ли, что ставить под сомнение волю Господню – это ересь?

– Да, отче.

Отец Джон кивает.

– Чтобы впредь подобного не было, Люк. Всевышний далеко не столь милостив, как я.

Люк молчит и не поднимает глаз. Его лицо пепельно-серого цвета.

– Мужички и жены Легиона Господня, – обращается к нам отец Джон. – Члены моей семьи, коих я люблю более всех на этой проклятой, грешной планете. Вера ваша истинна и крепка, и день за днем я восхищаюсь вашей стойкостью перед ересью. Я благодарю Бога за то, что объединил нас, за мудрость и милость Его, за то, что вдохновляет нас совершенством Своим. Братья и Сестры, всем нам давно известно, что последние дни грядут, и Господь напоминает нам, что времени осталось мало. Те из нас, кого Он осенил благословением и направил на Истинный путь, скоро сойдутся в битве с прислужниками Змея, и, когда настанет срок, мощь возмездия Господня потрясет всех и каждого. Всех и каждого, Братья и Сестры мои, и зрелище это будет прекрасным и ужасным. Однако сей славный день и час назначен будет не смертным, не мной и не кем-либо из вас. Срок изберет сам Господь. Сомневаетесь ли вы в моих словах?

Звучит всеобщее оглушительное «Нет!», и только Люк не размыкает губ. Я вижу это, потому что наблюдаю за ним.

Отец Джон улыбается.

– Господь благ, – говорит он. – Джулия, обработай раны Эймоса и вели Бекки приготовить ему ванну. Центурионы, ступайте в Большой дом и ждите меня. Нейт, проследи за раз-

грузкой припасов. Все, что предназначено мне, пускай принесут в мой кабинет. Все остальные могут вернуться к своим делам.

Толпа постепенно расходится, двор наполняется негромким гулом разговоров. Джулия направляется за часовню, в домик, где живет вместе с Бекки и где находятся все медицинские средства. Беар, Хорайзен и двое других Центурионов шагают к Большому дому. Отец Джон неподвижно стоит на крыльце, и внутренний голос шепчет мне: *это еще не конец*. Я невольно морщусь, заметив, что отец Джон, сузив глаза, смотрит на Люка. Голос в моей голове не ошибся.

– Люк, – окликает Пророк.

Все застывают на месте. Люк, который уже двинулся к пикапу, оборачивается.

– Да, отче?

– Идем в часовню, – велит отец Джон. – Я помолюсь вместе с тобой.

Люк снова опускает голову и бредет в часовню. Он прекрасно знает, что ждет его там, и для остальных это тоже не секрет. Братья и Сестры поспешно рассыпаются в разные стороны, как будто всем срочно куда-то понадобилось.

Бекки берет Эймаса под руку и уводит. Нейт откидывает задний борт пикапа и принимается разбирать пакеты и коробки. Я подхожу в тот момент, когда он выгружает ящик консервированных помидоров. В быстро сгущающихся сумерках хорошо заметны мышцы на его руках.

– Помощь нужна? – осведомляюсь я.

Он широко улыбается, и я рада знакомому ощущению: в животе все тает, кожа вспыхивает огнем.

– Сам справлюсь, – отвечает Нейт. – Можешь идти.

Я киваю, но не ухожу, а продолжаю смотреть, как он ставит ящик на землю и тянется за следующим.

– Вид у Люка был унылый, – отпускаю я замечание.

Нейт пожимает плечами.

– Он мужчина с сильной верой. Точнее, юноша. Небольшая лекция о том, как этой силой управлять, ему не помешает, хотя вообще-то дела духовные не по моей части.

– «Все дела на свете суть духовные, – цитирую я одну из любимых фраз отца Джона. – Чем бы мы ни занимались, это касается Господа».

– Спорить не стану, – говорит Нейт. – Что, вправду хочешь помочь?

Еще как.

– Да.

– Тогда держи. – Он достает из кузова две коробки, обмотанные красно-синим скотчем. – Отнеси это в Большой дом.

Я забираю коробки. Они ужасно тяжелые – я даже сомневаюсь, дотащу ли их вообще, – однако Нейту в этом ни за что не признаюсь.

– Донесешь? – спрашивает он, словно прочитав мои мысли.

– Без проблем.

– Точно?

– Я же сказала – без проблем.

Он вновь улыбается, внутри у меня все взрывается пузырьками газировки, а жар на лице достигает приблизительной температуры поверхности Солнца.

– Отлично, – говорит Нейт. – Спасибо за помощь.

– Всегда пожалуйста, – отзываюсь я и разворачиваюсь в сторону Большого дома, отчаянно прижимая к себе ношу. Волокнусь по двору, с трудом сохраняя равновесие; с каждым шагом груз все сильнее оттягивает руки. Опускаю взгляд на ярлыки и вижу имя получателя, которому адресованы личные покупки отца Джона: Джеймс Кармел.

После

– Тебе это показалось странным? – уточняет доктор Эрнандес. Он сидит, подавшись вперед, и за время моего рассказа исписал целых четыре страницы. – Я имею в виду чужое имя на ярлыках.

Я киваю.

– Еще тогда? Или только сейчас, после всех событий?

На мгновение задумываюсь.

– Пожалуй, еще тогда. Все понимали причину, но... Да, я подумала, что это странно. База ведь не располагалась где-то в секретном месте.

– Тебе известно, что было в тех коробках?

– Нет.

Доктор Эрнандес делает очередную запись. Я терпеливо жду и никак не комментирую его действия, хотя меня раздражает, что он пишет обо мне прямо в тот момент, когда я сижу в полутора метрах. Такое ощущение, будто он обсуждает меня за моей же спиной. Закончив, он откладывает ручку в сторону и посылает мне ободряющую улыбку.

– У нас еще двадцать минут в запасе, – сообщает он. – Ты не...

– Я в порядке.

До

Следы от ремня на плечах Люка сошли примерно через неделю. Никого из нас не удивляют ни сами отметины, ни тот факт, что Люк даже не пытается их скрывать. Наоборот, он носит эти следы будто знаки отличия, и, пока они постепенно синеют, лиловеют и, наконец, чернеют, он расхаживает по Базе в безрукавках или вообще с голым торсом – так, чтобы все успели разглядеть свидетельства его покаяния.

В пятницу Эймос полон энтузиазма совершить еженедельную вылазку в Лейфилд за покупками.

– Второй раз меня врасплох не застать, – уверяет он всех, кто готов его слушать. – Уж теперь-то я подготовился как следует.

Однако выясняется, что эту готовность – или неготовность – проверять не придется: отец Джон объявляет, что до его особого указания выезжать во Внешний мир запрещается всем без исключения. Эймос явно разочарован, но не произносит ни слова – перечить отцу Джону для него все равно что ослушаться самого Господа Бога. Большинство Братьев и Сестер одобряют это стоическое смирение и сочувствуют Эймосу, лишившемуся возможности совершить благо для всей Семьи. Они воспринимают его реакцию как лишнее доказательство – в котором, впрочем, нет нужды – глубочайшей веры Эймоса и его преданности своим Братьям и Сестрам.

Я с ними не согласна. Подозреваю – даже уверена, – что разочарование Эймоса во многом вызвано той простой причиной, что, вопреки бесконечным жарким заверениям в обратном, ему нравится бывать во Внешнем мире и он с нетерпением ждет пятничного утра, чтобы выехать за ворота на красном пикапе. Своими подозрениями я не делилась ни с кем, даже с Нейтом или Хани, поскольку с формальной точки зрения это ересь. В Первом воззвании ясно сказано, что все Земное царство разделено на священную землю Легиона Господня и Внешний мир, на последователей Истинного пути и прислужников Змея. Только так и не иначе, либо – либо. Но если я права насчет Эймоса (в чем практически не сомневаюсь), то я его не виню. Потому что – и вот это уже стопроцентная ересь – тоже скучаю по Внешнему миру.

В моем детстве, еще до Чистки, мы бывали в нем очень часто, только тогда он еще назывался не Внешним миром, а Городом или Лейфилдом – собственно, это название он на самом деле носит и теперь. Лейфилд, штат Техас. Основан в тысяча восемьсот девяносто пятом году, население – две тысячи сто сорок семь человек.

Отец Патрик, чье имя я даже вспоминать не должна, не то что произносить вслух, каждый день, кроме воскресений, возглавлял колонну из трех машин, на которых мои Братья и Сестры отправлялись в Город. Я всегда ехала во второй вместе с Лиззи и Бенджамином: до своего Исхода они были мне лучшими друзьями в целом свете. Мама Лиззи парковала машину перед адвокатской конторой, где работала секретарем, и перед тем, как скрыться за дверями, целовала каждого из нас в лоб и велела не шалить. Мы обещали, что будем вести себя хорошо. Следующие часа три или около того мы ходили туда-сюда по главной улице Лейфилда, раздавали флаеры с приглашением «услышать слово Божье» и с благодарностью принимали любые пожертвования от добрых горожан. Иногда мы продавали поделки, которые мастерили долгими жаркими днями на Базе после того, как мама Лиззи в свой обеденный перерыв отвозила нашу троицу домой: ловцы снов, сплетенные из веточек и лент, сухоцветы в серебряных фоторамках, листки с псалмами, выписанными от руки и проиллюстрированными с помощью разноцветных фломастеров.

Многие просто проходили мимо, особенно те, кто работал и жил в Городе и видел нас каждый день, а порой в наш адрес летели грубости, но в основном люди держались доброжелательно. Жители Лейфилда были – и, несомненно, остаются – по-своему богобоязненными и, как правило, с уважением относились к нашей вере, пускай она и отличалась от их собствен-

ной. Когда прошла Чистка и отец Джон объявил, что посещать Внешний мир теперь опасно, я рыдала, пока не уснула, и, уверена, не я одна. После того как мама Лиззи подала заявление об увольнении, ее коллеги из адвокатской конторы испекли прощальный пирог и сказали, что будут по ней скучать. Те из нас, кто следил за событиями, ничуть не удивились, что две недели спустя Лиззи и ее мама стали очередными Покинувшими.

Пророк объяснил, что, несмотря на мнимую любезность и дружелюбие горожан, именно так чаще всего и действует Змей: подсылает волков в овечьей шкуре в ряды верных рабов Божьих, дабы искушать и совращать их. Кто они, недавние обидчики Эймаса? Не из тех ли жителей Лейфилда, что раньше совали мне в ладонку долларовые купюры и восхищались моим красивым платьицем? Они самые, скажет отец Джон.

* * *

Из-за отмененной поездки пятница проходит гораздо скучнее обычного.

Одно из важнейших правил Легиона Господня: на наших складах всегда – всегда! – должен быть трехмесячный запас продуктов на случай, если прислужники Змея возьмут Базу в осаду и попытаются уморить нас голодом. Никто не отощает, если Эймас несколько недель не будет ездить в Город, и все же при обычных обстоятельствах пятница – особенный день не только из практических соображений.

Наряду с предметами первой необходимости вроде топлива и консервированных фруктов Эймас почти каждый раз привозит нам лакомства – пакет-другой вкусного хлеба, печенья, пончиков или конфет в ярких обертках, а примерно раз в месяц еще и несколько мешков одежды из благотворительного магазина на окраине Лейфилда: ботинки в пятнах машинного масла, заляпанные джинсы и рубашки. Конечно, вещи нам достаются изрядно поношенные, но любая обновка всегда в радость.

Можно с уверенностью утверждать, что отец Джон официально не одобряет эту практику – хотя ни в одном из воззваний не упоминается о запрете угощать Брата или Сестру шоколадкой или датской булочкой с яблоком, и вообще каких-то определенных правил насчет этого нет, – однако прекрасно сознает, что время от времени следует позволять Семье мелкие удовольствия, тем самым вызывая в их сердцах еще больше любви. И ведь члены Легиона Господня на самом деле горячо любят отца Джона. Просто обожают.

О жизни Пророка до того, как Господь призвал его в пустыню, почти ничего не известно. Большая часть мужчин и женщин, состоявших в Легионе на момент его появления, уехали во время Чистки, и, хотя в последние, горячечные дни перед тем, как собрать вещи и навсегда покинуть Базу, эти люди говорили много чего дурного и еретического о нем и его прошлом, они уже выставили себя лжецами и притворщиками, так что их никто не слушал.

Те же, кто остался, устоял против искушений прислужников Змея и сохранил веру, знают отца Джона уже без малого восемь лет и в большинстве своем преданы ему всей душой. Самые верные Братья и Сестры считают, что жизнь Пророка до того, как он был призван, не имеет значения, и обсуждать ее публично взялись бы с той же вероятностью, с какой облили бы себя бензином и чиркнули спичкой.

Тем не менее слухи ходят, пусть и редкие и исключительно шепотом. Говорят, будто бы до появления на Базе отец Джон был музыкантом то ли в Лос-Анджелесе, то ли в Сан-Франциско; что он был странствующим проповедником, который посвятил себя поиску Истинного пути и в итоге был вознагражден за свою неиссякаемую веру; что он был пьяницей или даже преступником, погрязшим во грехах, а потом Спасшимся. В каком-то возрасте я поняла, что при детях взрослые говорят одно, а между собой – другое, и с тех пор начала держать ушки на макушке. В общем, наслушавшись историй – и этих, и разных других, – я пришла к простому и

неоспоримому выводу. Никто достоверно не знает, кем был отец Джон до того, как стал отцом Джоном. Он просто есть, и все.

Когда выяснилось, что Эймос в город не едет, я побрела восвояси. Сегодня я снова должна трудиться в огороде, однако приступать к работе не рвусь и медленно иду через центральную часть единственного дома, какой с рождения знала.

База – так ее называли всегда, задолго до Чистки, – включает в себя более двух дюжин строений. Среди них часовня (под этим скромным названием имеется в виду церковь на две сотни сидячих мест), Большой дом, где живет отец Джон с женами и детьми, два Г-образных дома, стоящих аккуратными квадратами, два длинных ряда деревянных бараков, Холл Легионеров, кухня со складами и россыпь различных хозяйственных построек, от низеньких сарайчиков до высоких сооружений размером с хороший амбар.

Заметив на дальнем конце двора Нейта, шагающего к огороду, я ускоряюсь и перехожу на бег. Внутренний голос шепчет, что я выгляжу жалко, в буквальном смысле гоняясь за этим человеком, но я велю голосу умолкнуть, потому что не делаю ничего предосудительного и его мнение меня не волнует. Правда такова: между мной и Нейтом никогда ничего не было и совершенно точно не будет.

Я всегда это знала, с того дня, как Нейт пришел на Базу. И не последнюю роль играет тот факт, что меньше чем через год я выйду замуж за отца Джона. Я же не дуручка и все понимаю. С другой стороны, мои чувства к Нейту – сплошная неразбериха, пазл, в котором кусочки никак не складываются. Нейт, в отличие от некоторых моих взрослых Братьев, однозначно видит во мне младшую сестренку, что и печалит меня, и одновременно радует – ну, чаще радует. Он ни разу не пытался проскользнуть в мою комнату после отбоя и, разумеется, ни за что бы не пошел на это, хотя порой я лежу без сна, терзаясь надеждой и чувством вины, пока за окном на востоке не забрезжит рассвет.

После отбоя я могу не беспокоиться не только насчет Нейта, но и насчет всех прочих мужчин, которые ходят к Элис, Стар, Лайзе и другим, более привлекательным Сестрам. Вообще-то ночные визиты запрещены – в Третьем воззвании сказано об этом четко и ясно, там же говорится и о наказании, – однако они все равно продолжают, а ключи от спален есть только у Центурионов, и они просто не посмели бы впустить кого-то к моим Сестрам без разрешения Пророка.

Моя дверь всегда заперта до восхода солнца. Полагаю, отец Джон пришел бы в ярость, узнай он, что кто-то хоть пальцем дотронулся до одной из его будущих жен. Это-то и удерживает моих Братьев. Во всяком случае, я убеждаю себя, что все дело в правилах, хотя мама постоянно советовала мне быть поосторожнее со старшими Братьями, поскольку в обществе красивых девушек у мужчин в голове что-то перещелкивает, после чего они разом глупеют и ведут себя непредсказуемо.

Однажды я спросила ее, перещелкивало ли в голове у моего отца, и она ответила: нет, не перещелкивало, просто он сам по себе был глуп и непредсказуем. От этих слов у меня защемило сердце, но ведь мама хорошо знала отца, а я не знала вовсе, поэтому, видимо, мне стоит положиться на ее мнение. И еще мне было приятно, что она назвала меня красивой, пускай и не напрямую. Ладно, не важно.

Нейт слышит, как я приближаюсь, и оборачивается, на его лице та самая улыбка, от которой мое сердце всякий раз начинает биться вдвое чаще.

– А, Мунбим, – говорит он. – Я догадался, что это ты.

– Каким образом?

– У тебя особенные шаги. Они всегда очень серьезные – так сказать, убедительные.

Моя улыбка сменяется озадаченным выражением.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, – пожимает плечами Нейт. – Сама как-нибудь послушай.

– Это вряд ли.

Нейт фыркает и кивает.

– Понимаю. Не хочешь помочь мне собрать огурцы?

– Легко. – Я подстраиваюсь под его шаг, и мы идем к западной изгороди. Жаркое солнце висит прямо над нашими головами, заливая Базу таким ярким светом, что буквально все кажется совершенно новым, и внезапно – резко, как удар под дых, – я осознаю едва ли не самую суровую истину: я была здесь счастлива. Долго и по-настоящему.

Что бы ни внушал нам отец Джон, База отнюдь не рай и никогда и ничем его не напоминала. Но в моей жизни, как и у каждого из нас, было время, когда я, еще совсем ребенок, охотно верила почти всему, что слышала, если это называли правдой. Для меня, в отличие от большинства (а то и всех) моих Братьев и Сестер, это время закончилось. И Пророк тут был ни при чем – во всяком случае, тогда. Как любит повторять сам отец Джон, он всего лишь человек, так же склонный к ошибкам и гордыне, как и остальные, и, хотя все мы созданы по образу и подобию Творца, нам все равно не достичь святости: совершенен один лишь Господь Бог. В итоге я практически с самого начала понимала, что слова Пророка не следует принимать за непреложную истину, и с годами это понимание укреплялось во мне все сильнее.

Просто невозможно, чтобы все-все люди в огромном мире за пределами Базы поголовно были плохими, – я знаю это абсолютно точно, как и то, что далеко не каждый из моих Братьев и Сестер хороший человек. Добро и зло, ложь и правда – это крайние точки целого спектра наших характеристик, «либо – либо» не бывает, ведь жизнь не такая простая штука. Люди не так просты, а иначе все было бы куда однозначней.

Думаю, отец Джон это понимает, хоть и не признаёт вслух. Именно поэтому, на мой взгляд, он называет себя только вестником, а не самой вестью. Однако на протяжении долгого времени для меня это не имело значения – я *верила*, даже когда ставила под сомнение конкретные сказанные им слова.

У меня появлялись вопросы и мысли, с которыми я ни с кем не делилась, зная, что их сочтут ересью, но все еще хранила веру – в него, в моих Братьев и Сестер, в Легион. Пока отец Джон не поступил с моей матерью так, как поступил.

Мы доходим до проволочной сетки, которой обнесен огород.

– О чем размышляешь? – интересуется Нейт. – По монетке за каждую думку?

– Разоришься, – шучу я.

Он улыбается.

– Я знаю, когда у тебя что-то на уме, Мунбим. Давай, выкладывай.

Я киваю, ведь он прав: меня действительно терзает кое-что еще, помимо сладостно-горьких воспоминаний о прежних счастливых днях. То, что не дает мне покоя с прошлой пятницы и о чем я бы не рискнула заговорить ни с кем другим.

– Люк...

– А, этот маленький засранец? – переспрашивает Нейт, и я ошарашенно ахаю, потому что еще никто в Легионе не отзывался так о своем Брате или Сестре. Никто и никогда.

– Нельзя так говорить, – укоряю я и вспыхиваю: должно быть, я сейчас похожа на перепуганную маленькую девочку.

– Можно, если это правда, – еще шире улыбается Нейт. – Можно состоять в Легионе Господнем и все равно быть говнюком. Как ни прискорбно. – Я хихикаю, не могу сдержаться. – Ну и, – продолжает он, – ты же не настучишь на меня Центуриону. Так что там с Люком?

– Он усомнился в отце Джоне. Прямо при всех.

Нейт пожимает плечами.

– И заработал порку. Тебя это беспокоит?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

Я набираю побольше воздуха, желая правильно донести свою мысль.

– Он нарывается на неприятности. Ну, Люк. И иногда... иногда кажется, будто он делает это нарочно.

– Ему семнадцать, – замечает Нейт. – Конечно, он делает это нарочно. Люк пытается найти себя в этом мире, свое место в нем, отсюда и выходки. Почему тебя это волнует?

– В прошлый раз тебя здесь не было. А сейчас ситуация похожая, вот и все.

– Ты имеешь в виду чистку?

– Не знаю. Может быть. Да.

– Ты встревожена?

Качаю головой.

– Да нет, просто не доверяю Люку. Извини, Нейт, я не хотела раздувать из мухи слона.

– Все в порядке, – улыбается Нейт. – И не переживай. Люк – противный мелкий засранец, которого давно бы пора приструнить, но если бы я считал, что он в самом деле опасен для отца Джона или кого-то еще, то уже принял бы меры.

– Какие?

Улыбка исчезает с лица Нейта, как будто ее и не было.

– Задушил бы его во сне, – отвечает он. – Ладно, идем. Огурцы сами себя не соберут.

Я выдавливаю кривую усмешку, а по спине бежит мороз. Нейт разворачивается и идет в огород, я чуть приотстаю и двигаюсь следом.

После

Доктор Эрнандес перестал записывать; пока я говорила, он не отрывал от меня взгляда.

– По-твоему, Нейт мог бы сделать так, как сказал? – спрашивает он.

Я качаю головой.

– Нет.

– Почему ты так уверена?

Пожимаю плечами. Я не уверена, не уверена на сто процентов. Я знаю – и сомневаться не приходится, так как я видела это собственными глазами, – что Нейту реально хотелось наподдать Люку, но сейчас лучше промолчу. Тем не менее я искренне считаю, что на убийство Нейт бы не пошел, так что чисто технически я не лгу.

– За ересь наказывали?

– Нет. – А вот это ложь, и такая явная, что я боюсь, как бы мое лицо не залила краска стыда.

– А за нарушение правил?

– Нет.

– Значит, страха никто из вас не испытывал?

Я не отвечаю.

– Мунбим? – Доктор Эрнандес смотрит на меня с прищуром. – Члены Легиона боялись отца Джона?

– Что ты ему рассказала? – тихо, по-змеиному шипит Люк. – Что ты напела Чужаку?

Его лицо в паре сантиметров от моего, я вжимаюсь спиной в стену, а мои Братья и Сестры молча, испуганно взирают на нас. Я вспоминаю слова доктора Эрнандеса о том, что КСВ всегда проходит под наблюдением, и прикидываю, сколько еще это будет длиться, прежде чем кто-то войдет в кабинет групповой терапии и прервет сеанс.

– Ничего, – вру я. – Я начала рассказывать про отца Джона, про то, что Пророк был прекрасным человеком, в сто раз лучше него, но он не захотел меня слушать и отослал. Это все, Люк, клянусь.

Люк делает полшага назад. Долго – не знаю сколько – прожигает меня глазами, потом наконец ухмыляется и проводит костяшками пальцев по моей щеке. Я сдерживаю дрожь.

– Вот и хорошо, – произносит он. – Ты молодец. Они пытаются настроить нас друг против друга – именно сейчас, когда нам важно оставаться сильными. Но у них ничего не получится. Правда же?

Я киваю. Во взгляде Люка все еще сквозит безумие – пляшущий огонек, при виде которого к моему горлу подкатывает тошнота. Точно такой же огонек я видела в глазах отца Джона в самом конце, когда все вокруг полыхало.

– Так-то, – заключает Люк и поворачивается к остальным. – Мы не позволим им ослабить нас. Пророк Вознесся, как и было обещано. Наши Братья и Сестры Вознеслись, как и было обещано. Вы сами видели, как они отправились на небеса, и если думаете, что нас оставили тут по недоразумению, то, значит, вы лжете себе и в ваших сердцах одно лишь притворство. Бог испытывает всех и каждого из нас, и каждый должен доказать свою веру, подтвердить, что он достоин предстать перед Господом и воссоединиться с Семейей. Это понятно?

Слышится робкий шелест голосов – да, понятно, – но и только. Люк недовольно хмурится.

– Не слышу. Вам понятна истина, о которой я говорю?

Снова шелест голосов, чуть громче. Воодушевление, на краткий миг охватившее слушателей, когда Люк говорил о Вознесении, угасло. Возможно, его слова, практически те же, что много лет повторял отец Джон, утратили способность вдохновлять в этой новой реальности

– в этом помещении, этом месте, а может, у моих Братьев и Сестер просто иссякли остатки мужества. В огромной комнате под ярким светом флуоресцентных ламп они выглядят теми, кто есть на самом деле: напуганными детьми, очутившимися далеко от дома. Я смотрю на них, и мое сердце сжимается от боли, а потом перевожу взгляд на Люка и понимаю: он видит то же самое. Стиснув кулаки, Люк делает шаг вперед и предпринимает еще одну попытку.

– Знаю, вам сейчас плохо и страшно. Вы тоскуете по родителям. Это вполне естественно, хотя в душе все мы знаем, что этот грешный мир лишь временное пристанище. Но не время впадать в уныние, Братья и Сестры! Здесь и сейчас, в эту минуту, мы должны держаться за веру крепче прежнего, не отступать от учения нашего Пророка и доказать, что достойны Вознестись вслед за ним. Веруйте в него, как веровали всегда. Веруйте, и, обещаю, он нас не подведет.

Уиллоу начинает хныкать. Я нисколько не виню ее – девушке всего десять, и она стояла за спиной матери, когда пуля снесла той часть черепа. Полагаю, в этот самый момент ей трудно держаться за веру, что бы там ни говорил Люк.

Он подходит к Уиллоу, приседает на корточки и, как может, утешает. Доброта никогда не была свойственна Люку, однако он старается, и, с неохотой признаю я, это уже кое-что. Через минуту-другую Уиллоу перестает плакать, но ее личико все так же искажено горем. Как можно рассчитывать, что она поймет произошедшее на ее глазах? Разве хоть кто-нибудь сумеет помочь ей преодолеть этот кошмар?

Люк берет Уиллоу за руки.

– Отец Джон научил меня особым вещам, – вполголоса говорит он. – Тайным способностям. Тайным силам. Прислужникам Змея их не распознать. Если в скором времени мы не Вознесемся, я прибегну к этим силам. Воспользуюсь ими, освобожу всех нас отсюда, мы переберемся в другое место и будем ждать того дня, когда Пророк призовет нас к себе.

Уиллоу кивает, на ее губах появляется слабая улыбка.

– Трепло ты, Люк, – не выдерживает Хани. – Перестань ей врать.

Улыбка Уиллоу исчезает, девочка поднимает взор на Люка, в широко распахнутых глазах – сомнение. Однако Люк ее даже не замечает, его взгляд прикован к Хани.

– Сама увидишь, – говорит он. – Причем очень скоро. Ты и не представляешь, на что я способен.

– Ошибаешься, – возражает Хани. – Я тебя насквозь вижу.

Люк зловеще улыбается, затем снова переключает внимание на Уиллоу.

– Не слушай ее. Все будет замечательно. Бояться нечего.

Я пристально смотрю на него. Смотрю и не говорю ни слова. Ни единого слова. Потому что все не так. Даже сейчас, после пожара, града пуль и моря крови, нам есть чего бояться. Есть кого бояться. И прямо сейчас он стоит передо мной.

После

В две минуты одиннадцатого доктор Эрнандес открывает дверь «Кабинета для интервью № 1», но не проходит к столу, как обычно, а стоит на пороге и адресует мне широкую улыбку, которая смотрится не слишком убедительно.

– Доброе утро, Мунбим, – здоровается он. – Как дела?

– Нормально, – отвечаю я. Мои брови собираются в складку. – Вы не собираетесь заходить?

– Собираюсь, конечно, – произносит он все с той же приклеенной улыбкой. – Только, если не возражаешь, сегодня наш сеанс пройдет немного иначе. Помнишь, я говорил, что с тобой планируют пообщаться и другие люди?

Я ощущаю укол беспокойства.

– Помню.

– Отлично. Здорово. Гм, так вот. Один из них хотел бы побеседовать с тобой прямо сейчас. Что думаешь?

– И кто же это?

– Агент Эндрю Карлайл, – сообщает доктор Эрнандес. – Он из ФБР. Знаешь, что такое ФБР?

«ОН ИЗ ФЕДЕРАЛОВ! – взрывается в моей голове голос Пророка. – ПРАВИТЕЛЬСТВО! ФЕДЕРАЛЫ! НИЧЕГО НЕ ГОВОРИ! БЕГИ ОТТУДА! УНОСИ НОГИ!»

Я мотаю головой. Доктору необязательно знать, что отец Джон едва ли не каждое воскресенье клеймил агентов ФБР и сотрудников всех прочих госорганов как прислужников Змея.

– ФБР расшифровывается как «Федеральное бюро расследований», – поясняет доктор Эрнандес. – Туда передают самые серьезные дела – тяжкие преступления, более масштабные и сложные, чем те, которыми занимается обычная полиция. Важно с самого начала понимать: он просто задаст тебе несколько вопросов, и это вовсе не означает, что тебя в чем-то подозревают. Никто не заставит тебя отвечать, если ты не захочешь, однако, если ты согласишься поговорить или хотя бы выслушать вопросы, это очень поможет в расследовании того, что случилось с твоими братьями и сестрами. Кроме того, лично я считаю, что тебе это тоже пойдет на пользу.

– Зачем ему говорить со мной? – спрашиваю я. – Я ничего не знаю.

– Он лишь расспросит о том, что ты видела. Во время пожара и до этого. Так что скажешь? Согласна пообщаться?

– Разве у меня есть выбор?

– Выбор всегда есть, – веско говорит доктор Эрнандес. – И все же твое содействие во многом облегчит и нашу с тобой работу. Конечно, звучит похоже на торг, а может, так оно и есть, однако это правда.

– Квипрокво, – шепчу я.

Доктор Эрнандес хмурится.

– Именно. Откуда тебе известна эта фраза?

Узнала от Хорайзена. Еще в детстве, когда нам разрешалось учиться новому.

Я качаю головой.

– Не помню. Наверное, слышала где-то.

– Значит, ты поговоришь с ним? С агентом Карлайлом?

– Ну да, – пожимаю плечами я.

На лице доктора Эрнандеса вновь появляется улыбка, такая же широкая и неубедительная, он выскальзывает в коридор и плотно закрывает за собой дверь. Я буравлю ее глазами, пытаюсь унять колотящееся сердце.

Спокойно. Ты единственная, кому известна правда, и заставить тебя говорить они не могут. Они ничего не знают. Просто сохраняй спокойствие.

Доктор Эрнандес возвращается в кабинет, следом входит мужчина с пластиковым стулом в руках. Он выше психиатра, у него темные волосы, аккуратно зачесанные на боковой пробор, и синие глаза, ярко выделяющиеся на загорелом лице – видимо, этот человек много бывает на свежем воздухе. На нем белая рубашка и темно-серый костюм. Он опускает стул на пол и кивает мне.

– Мунбим, это агент Карлайл, – представляет его доктор Эрнандес.

– Приятно познакомиться, – говорит – *прислужник Змея* – вошедший. – Как себя чувствуешь сегодня?

– Хорошо. – Гляжу на него и стараюсь, чтобы голос звучал ровно. – А вы?

– Прекрасно, – отзывается он. – Спасибо, что поинтересовалась. И что разрешила прийти.

Как будто у меня был выбор.

– Без проблем.

Доктор Эрнандес выкладывает на стол свои блокноты и ручки, а агент Карлайл тем временем снимает пиджак и накидывает его на спинку стула. Когда он оборачивается, я замечаю у него под мышкой черный предмет неправильной формы, и меня как будто переключивает: я понимаю, что это. Краткий миг я просто смотрю на предмет, а в следующую секунду с вытаращенными от ужаса глазами перелезаю через спинку вишневого дивана. Ушибаю забинтованную кисть о стену – боль просто жуткая, но я ее не почти не чувствую, потому что из горла рвется крик – вопль, который я сдерживаю последним, невероятным усилием воли.

– Мунбим? – моментально реагирует доктор Эрнандес, его голос напряжен от тревоги. – Что такое? В чем дело?

Я трясусь головой. Если только я открою рот, вопль вырвется наружу, ведь перед глазами у меня маячит пистолет агента Карлайла, а в ушах стоят грохот автоматных очередей, свист пуль и крики моих Братьев и Сестер. Меня окутывает едкий запах гари, все кружится, и внезапно я осознаю, что вот-вот грохнусь в обморок.

Доктор Эрнандес оглядывается по сторонам – выискивает, что же я такого увидела, что заставило меня искать укрытия. Внезапно его глаза широко распахиваются, он вскакивает и за плечи выдергивает агента Карлайла из-за стола.

– Какого черта? – восклицает тот, побагровев от возмущения. Он хочет вывернуться, однако психиатр, не ослабляя хватки, толкает его к двери. Агент Карлайл сопротивляется и негодует, пока доктор Эрнандес не шипит ему в ухо:

– Оружие, идиот!

Лицо агента Карлайла заливает смертельная бледность, он замирает, а затем покорно дает вытолкать себя в коридор. Выйдя вслед за ним, доктор Эрнандес хлопает дверью, но замок не срабатывает, и она остается чуть приоткрытой. Я гляжу в тонкую щелочку, а сердце в груди бухает, и до меня вдруг доходит, что я давно не дышу.

В животе как будто бетонная глыба. Я продолжаю смотреть через дверную щелочку на полоску серого коридора, сосредотачиваю на ней все свое внимание и приказываю себе успокоиться. Бесконечно долгую секунду стоит тишина и ничего не происходит, но после мне удается со свистом втянуть тонкую струйку воздуха, и оцепенение едва заметно, самую малость спадает. Может, дело обойдется и без обморока. Я вдыхаю глубже, снова и снова. Тяжесть в груди и шум в ушах проходят, я слышу из коридора приглушенные голоса.

– Боже правый, вы о чем вообще думали? – резко, холодно спрашивает доктор Эрнандес. – Неужели вам нужно объяснять, почему являться с оружием на сеанс психотерапии недопустимо? Скажите же, что вы сами все понимаете.

– Да ни о чем я не думал, – отвечает агент Карлайл. – Это привычка, ясно? Утром надеваю кобуру, вечером снимаю. Сожалею, что так вышло.

– Сожалеете, – повторяет доктор Эрнандес. – Ладно. Отлично. Можно задать вам вопрос?

– Конечно.

– Вы хоть представляете, через что прошла эта девочка? Вы ведь читали отчеты, так? Понимаете, что она видела?

В пустой комнате я морщусь от досады. С одной стороны, меня коробит, что обо мне говорят как о подопытном кролике, а с другой стороны, приятно, что доктор Эрнандес так бурно реагирует, защищая мои интересы. Я давно не ощущала ничьей поддержки, не испытывала ее даже на краткий миг.

– Хорошо, хорошо, – бормочет агент Карлайл. – Уже снимаю. Видите?

– Не забудьте сделать это перед тем, как прийти в следующий раз, – напоминает психиатр. – Буду предельно откровенен, агент Карлайл. Если я сочту, что ваши действия – любые – ставят под угрозу прогресс в реабилитации Мунбим, то не премину доложить об этом вашему руководству. Я не шучу.

Повисла долгая тишина. Я сижу на краешке дивана, наострив уши.

– Все верно, – признает агент Карлайл. – Виноват. Этого впредь не повторится.

– Благодарю, – говорит доктор Эрнандес, и в его интонацию отчасти возвращается характерная теплота. – Просто помните, где находитесь и где побывала она. Она сильнее, чем я смел надеяться, и все же не стоит недооценивать серьезность ситуации. Ее состояние крайне неустойчиво.

– ПТСР?²

– Я еще не закончил первичную оценку. Пока ничего не исключаю, в том числе ПТСР. Так что будьте поделикатнее, хорошо?

– Я вас понял. – Агент Карлайл тяжело вздыхает. – Ей столько же, сколько моей дочери. Ну, может, полгода разницы. Вы в курсе?

– Примите это как факт, – сурово произносит доктор Эрнандес. – Думайте трезво. Не стоит приплетать сюда ваши личные переживания и опыт, это не поможет ни вам, ни ей.

– Я работаю в ФБР восемнадцать лет. – Я почти слышу в голосе агента Карлайла улыбку. – Вы знали? За это время я провел более семисот интервью.

– К чему вы клоните?

– Ни к чему. Просто решил, что вам может быть интересно. Ну что, возвращаемся?

Длинная пауза. Что происходит за дверью? Они играют в гляделки? Доктор Эрнандес тянет с ответом, потому что размышляет или потому что хочет показать, кто тут главный? Молчание может служить оружием, если верно его использовать: оно заставляет людей нервничать и говорить чего не следует, лишь бы прервать тишину. Отец Джон создавал силу молчания *очень* хорошо.

– Ладно, – в конце концов молвит доктор Эрнандес. – Идемте.

Я торопливо принимаю обычную позу – съеживаюсь в углу дивана, подтянув коленки к груди, – а в голове множатся вопросы.

Что такое ПТСР? И что значит «Ее состояние крайне неустойчиво»? Меня ждет нервный срыв?

Дверь распаивается. Опустив взгляд на ручку, доктор Эрнандес недовольно хмурит брови, но я смотрю на него с выражением, как мне хочется верить, полнейшей невинности. Он

² ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство. Психическое расстройство, возникающее в ответ на физическую или психическую травму, когда непосредственное стрессовое воздействие травмы уже закончилось (трансформировалось). Проявляется страхом и дисфорией, депрессией, замкнутостью, псевдоаутистическими симптомами.

ненадолго задерживает взор на мне, после садится. Агент Карлайл делает то же самое – кобуры под мышкой уже нет – и глядит мне в глаза.

– Прости, пожалуйста, – говорит он. – Я как-то не подумал. Ты, наверное, пистолетов насмотрелась на всю жизнь, да?

Я киваю.

– Это больше не повторится.

– Ничего страшного, – говорю я. – Просто я не ожидала.

– Разумеется не ожидала, – встречается доктор Эрнандес. – Твоя реакция абсолютно оправданна.

– Прости, – повторяет агент Карлайл.

– Все нормально, – отвечаю я. – Это ведь «Глок-22»?

Его глаза расширяются от удивления.

– Что-что?

– Пистолет у вас в кобуре. Похож на «Глок-22».

– Верно, – подтверждает он.

Доктор Эрнандес хмурится.

– Едва ли это направление беседы...

Агент Карлайл подается вперед.

– Разбираешься в оружии?

Даже не догадываешься насколько.

До

С утра по понедельникам, средам и пятницам и после обеда в субботу у нас тренировки. Это одно из двух регулярных мероприятий в Легионе (второе – это воскресная утренняя проповедь отца Джона), присутствовать на которых строго обязательно; тренировка важнее любых других дел на Базе, даже самых неотложных, важнее даже болезни. Я видела, как мои Братья и Сестры теряли сознание в гриппозном жару, но, едва их приводили в чувство, кое-как поднимались на ноги и со свирепой решимостью на лицах продолжали упражняться.

Тренировка всегда начинается с наставлений отца Джона: он напоминает нам о зле, притаившемся снаружи, во Внешнем мире, и о том, как ужасны враги, с которыми нам предстоит сразиться. Когда наступит Конец света, вещает Пророк, мерзкие демоны – крылатые, клыкастые и покрытые чешуей – восстанут из-под земли и примут облик тех, кого мы любим; нам также стоит ожидать уродливых тварей с дюжиной голов, что плюются огнем и намертво выжигают почву под собственными копытами. Когда же грянет Последняя битва, Господь наделит верных Ему силой, дабы сокрушить силы тьмы, и, как только победа будет одержана, мы Вознесемся на столпах света и воссядем подле Него.

Однако до этого славного дня необходимо защищаться и от других врагов, врагов в человеческой шкуре, гнусных, растленных грехом. Говоря о них, отец Джон неизменно брызжет ядом. Федералы.

Само собой, все, кто работает на правительство, – это прислужники Змея, но послушать отца Джона, так по мерзости они почти не уступают своему повелителю. Крысы в человеческом теле, бездушные чудовища, которые ненавидят Господа и делают все, чтобы сбить добропорядочных мужчин и женщин с Истинного пути. При первой возможности они не задумываясь убьют меня и любого из моих Братьев и Сестер, и для них нет ничего слаще, чем заточить нас в темницу и пытаться до скончания веков. У федералов много обличий – ФБР, БАТОВ³, ЦРУ, Управление шерифа, полиция, Налоговое управление, МНБ⁴, – но все это головы одной гидры, монстра, повсюду простирающего свои щупальца с единственной целью: установить владычество Змея на всей земле.

Я иду по двору к Большому дому. Особо не спешу, хоть и вижу, что большая часть Семьи уже собралась на стрельбище позади дома, а опоздать на тренировку – значит гарантированно схлопотать наказание. Но все и без того глазят на меня – из-за мамы и Нейта обо мне ходят пересуды, – и если сейчас я даю лишний повод к осуждению, то и пусть.

Я огибаю Большой дом и присоединяюсь к толпе. Хани бросает на меня взгляд и улыбается – она и не догадывается, как дорог мне этот знак, – но все остальные, кажется, не замечают моего опоздания. На пятачке перед стрельбищем отец Джон уже начал свою лекцию – с суровым прищуром он описывает, что конкретно сделают с нами федералы, если мы хоть на миг потеряем бдительность.

Стоит нам оказаться во Внешнем мире, вне защиты отца Джона, как федералы засекут нас с вертолетов и расстреляют из огнеметов. Детей и младенцев они убьют, расчленят, а куски поджарят на адском пламени и съедят. Женщинам Легиона федералы запустят под кожу паразитов, которые сожрут их плоть изнутри. Федералы отрубят нам руки и ноги, зашьют рты и будут глумливо хохотать, глядя, как мы умираем голодной смертью.

К тому времени, когда отец Джон заканчивает речь, некоторые из моих младших Братьев и Сестер тихо плачут. Малыши безмолвно роняют слезы, а их родители стоят с напряженными лицами. Слабости в Легионе Господнем не терпят. Я украдкой поглядываю на Хани: она при-

³ БАТОВ – Бюро по контролю за алкоголем, табаком, оружием и взрывчатыми веществами.

⁴ МНБ – Министерство национальной (внутренней) безопасности.

стально смотрит на Пророка, и ее выражение совершенно непроницаемо. Лекция завершена, пора приступать к тренировке.

Стрельбище расположено на максимальном удалении от главных ворот, от любопытных взглядов его заслоняют Большой дом, сад и ряд хозяйственных построек. Жизненно важно – отец Джон постоянно повторяет эти слова, – чтобы враги до самого последнего момента не подозревали, как хорошо мы подготовлены.

Центурионы вооружены постоянно, но, кроме них, иметь оружие не разрешается никому. При отце Патрике едва ли не у каждого в Легионе имелся под рукой как минимум карабин, однако после Чистки все изменилось – и это, и многое другое. Теперь на тренировках мы стреляем из оружия, которое хранится под замком в подвале Большого дома. Его выдает нам Эймос, тщательно пересчитывая стволы в начале и конце занятия.

Почти час мы отрабатываем навыки стрельбы. Целями служат грубо намалеванные на деревьях подобию мужчин и женщин с надписью «ФБР» на груди, круглые стрелковые мишени, консервные банки, бутылки, пластиковые тарелки и вообще все, что есть в хозяйстве. Грохот стоит оглушительный, а пороховой дым, густой и горький, царапает горло.

В нашем арсенале пистолеты «Глок» – семнадцатый и двадцать второй, «Пустынный орел», SIG Sauer P226, «Беретта» калибра 9 мм, пистолет-пулемет MP5, револьверы «Смит и Вессон» сорок пятого калибра, винтовки AR-15, M4 и M16, двустволки «Ремингтон», автоматы Калашникова и десятки других видов оружия. Детей до восьми лет к стрельбе не допускают, но присутствовать обязаны все, независимо от возраста. Уверена, большинство моих младших Братьев и Сестер назовут двадцать шесть моделей огнестрельного оружия раньше, чем выучат двадцать шесть букв алфавита.

Я смотрю в прицел M4 – винтовки, которую, помнится, в первый раз еле-еле сумела поднять, – и кладу палец на спусковой крючок. Чтобы уменьшить отдачу, переношу вес на опорную ногу, приклад упираю в плечо. Когда я снова и снова нажимаю на крючок, моя рука практически неподвижна. Выстрелы звучат металлическим барабанным боем, и после каждого в воздухе разлетаются ошметки древесной коры.

Опустошив магазин, перезаряжаю винтовку. Мой взгляд падает на отца Джона: он стоит под белым дубом у края западных грядок и со снисходительной гордостью взирает на свою Семью. Я вдруг остро осознаю, на что способно оружие, которое я сейчас держу в руках, и пронзившая меня мысль до того крамольнее любой ереси, что я мгновенно ее отгоняю – не дай бог кто-то успеет все прочесть по моему лицу.

Когда тренировка по стрельбе заканчивается, Эймос собирает оружие и уносит его в Большой дом, а мы тем временем приступаем к боевой подготовке. Весь Легион разбивается на пары – соперников выбирает лично отец Джон – и в течение трех минут отрабатывает навыки рукопашного боя. Использовать можно что угодно: кулаки, ногти, зубы, ноги, камни, деревьяшки. Эта тренировка тоже обязательна для всех, но, в отличие от стрельбы, в драке изображать видимость не получится. Когда ты палишь по деревьям, чей-то внимательный взгляд, может, и заметит, что твои пули не попадают в цель, однако, если желания стрелять нет, можно просто не стараться. В боевой подготовке все иначе. Если Центурион заметит, что ты щадишь противника, тебя выставят на всеобщее обозрение и сделают из тебя показательный пример. В Легионе Господнем нет места жалости, как нет места слабости и неповиновению – все три греха жестоко караются, и если ты не идиот, то понимаешь это очень быстро.

Отец Джон шепотом называет Центурионам имена соперников в парах и наблюдает, как нас ставят в две линии лицом друг к другу. Сегодня напротив меня Люси, одна из самых добрых и милых девочек во всем Легионе. И это никакая не случайность. Только слабоумный не догадается, что происходит на самом деле: отец Джон проверяет – при всех, – готова ли я причинить вред дорогому мне человеку просто потому, что Пророк отдал такой приказ. Не

вышла ли из подчинения. Можно ли мне еще доверять. Меня как будто судят, не предъявив обвинений, хотя все они мне известны. Мама. Нейт.

Люси всего двенадцать, она на добрую голову ниже меня и весит килограммов тридцать пять – тридцать шесть, не больше. Я могу вырубить ее за пять секунд, и именно так мне следует поступить – разделаться с этим мерзким заданием как можно скорее, причинив Люси минимум боли – но я не хочу. Я не стану так делать.

Я стараюсь скрывать свои эмоции – и вроде бы мне это удастся, во всяком случае большую часть времени, – и все же я страшно злюсь на Нейта, на маму и на себя. Моя злость острая и жгучая, а голова полна отвратительных мыслей, из-за которых, как меня приучили верить, я обречена гореть в аду, и, пускай даже я понимаю, что многое изменилось – изменилась я сама, – где-то в глубине души до сих пор живет моя прежняя личность, и та прежняя «я» до сих пор истово верит в неотвратимость кары за мысли, что возникали у меня, когда я, держа в руках винтовку М4, глядела на отца Джона, и за все остальные думы, которые по ночам не дают мне уснуть и отравляют сны.

Чушь собачья, шепчет внутренний голос, *ты не...* Я велю ему замолчать. Я действительно заслуживаю наказания, пусть даже об этом не знает никто, кроме меня. Я злюсь, мне страшно и одиноко, и неизвестно, что будет дальше.

Но прямо сейчас я хочу почувствовать хоть что-нибудь. Поэтому, когда Беар командует: «Начали!» – и Люси, подскочив ко мне, делает пробный замах в мою сторону, я не шевелю ни единым мускулом. Наоборот, я позволяю ее кулачку вмазать мне по носу – и наслаждаюсь взрывом боли в черепе. Из глаз моментально брызжут слезы, в горле появляется медный привкус крови. Сквозь пелену слез я вижу панику на лице Люси, однако бояться ей нечего: давать сдачи я не намерена. Я стою неподвижно, как статуя, дожидаясь, пока она сообразит, в чем дело, а потом пропускаю удар за ударом.

Третий, гораздо сильнее предыдущих, лишает меня равновесия. Я пячусь и, запутавшись в собственных ногах, падаю навзничь. Люси стоит надо мной, ее обычно кроткое личико искажено животной агрессией, примитивным удовольствием от причинения боли другому живому существу. Я смотрю на нее и улыбаюсь, но мой рот полон крови, и из-за этого улыбка, должно быть, вызывает ужас, потому что глаза Люси расширяются, и на мгновение она снова становится собой, пока Джейкоб Рейнольдс не отшвыривает ее в сторону и не вперяет в меня взгляд, полный ярости.

– Вставай, – шипит он.

Все остальные прекратили бой. Отец Джон наблюдает за мной из-под ветвей белого дуба, но без гнева, а скорее с любопытством. Я медленно поднимаюсь на ноги и остро сознаю, что привлекла всеобщее внимание.

– Будешь так валять дурака, когда настанет Конец света, и ты труп, – угрожающе произносит Джейкоб. – Слышишь? Ты не Вознесешься, не займешь место подле Всевышнего, а просто сдохнешь, и твоя душа отправится в ад. Этого хочешь?

Несколько секунд я смотрю на него, потом едва заметно качаю головой. Он тычет пальцем в Люси, чьи глаза молят о прощении. Мне хочется объяснить ей, что ее вины нет, что она не сделала ничего плохого, но мои слова лишь усугубят ситуацию.

– Думаешь, ты оказываешь ей услугу, отказываясь драться? – требует ответа Джейкоб. – Думаешь, защищаешь ее? Как бы не так! Если она не научится сражаться, получать травмы, падать, вставать и сражаться снова, Господь не направит ее во время Последней битвы, и она окажется там же, где и ты, – в аду. Ты ей вредишь.

Я сплевываю кровь, а когда снова поднимаю глаза на Джейкоба, то как будто вижу его – по-настоящему вижу – впервые. Передо мной стоит жирный злобный урод; сама не понимаю, с чего я вообще его когда-то слушала?

– Ударь ее.

– Нет.

Толпу моих Братьев и Сестер облетает явственный вздох изумления: никто не смеет так разговаривать с Центурионом, даже паршивая овца вроде меня. Никто.

Сузив глаза, Джейкоб делает шаг вперед.

– Либо ты ее ударишь, либо я.

– Мунбим, – дрожащим шепотом произносит Люси, – пожалуйста. Пожалуйста, ударь меня.

– Нет! – выкрикиваю я.

Джейкоба перекашивает. Он оглядывается по сторонам – лицо заливают смесь растерянности и гнева, – затем снова переводит глаза на меня.

– Даю тебе последний шанс, – рычит он.

– Катись к черту, – отвечаю я.

Во дворе повисает гробовая тишина. Долго, бесконечно долго Джейкоб молчит и только таращится на меня, побагровев лицом; грудь под джинсовой рубашкой вздымается и опадает. Потом – гораздо проворнее, чем можно было ожидать от такого жирного, обрюзгшего увальня, – он поворачивается налево и с размаху бьет Люси по лицу кулаком, отчего та подсакивает. Раскинув ноги и руки, она летит вверх тормашками, грохается на землю и визжит.

– НЕ-ЕТ! – кричу я и бросаюсь вперед, готовая вонзить пальцы в студенистую мякоть глазных яблок Джейкоба и вырвать их из глазниц. И это мне почти удается. Почти. Лоунстар перехватывает меня и отшвыривает в сторону, выбив из легких весь кислород – воздух со свистом выходит из меня, точно из лопнувшего шарика. Я ударяюсь головой о твердый грунт, перед глазами вспыхивает целая россыпь звезд, а Лоунстар уже рывком ставит меня на ноги и выкручивает за спиной руки. К нему подбегает Беар, и вдвоем они легко поднимают меня, крепко держа за запястья и лодыжки. Я сопротивляюсь, выкрикиваю ругательства и требую свободы – во имя всего святого! – но они лишь молча уносят меня со стрельбища.

Мои Братья и Сестры едва не налетают друг на дружку, спеша расступиться, причем все старательно отводят глаза, пока я продолжаю сыпать проклятиями, визжать и завывать. Отец Джон под белым дубом провожает меня взглядом, полным глубочайшего разочарования.

Когда меня уносят за угол Большого дома, в нагретом воздухе раздаются чудовищные звуки ударов и стонов: Джейкоб преподносит Люси урок, который отказалась дать я.

После

Я умолкаю. Лица двоих мужчин за письменным столом заливают бледность. Я не удивлена, хотя, уверена, именно этого рассказа агент Карлайл – да и доктор Эрнандес, чего уж там, – от меня и ждал: рассказа о жестокости, наказаниях и «пушках». Кровавые истории редко хорошо заканчиваются, зато практически всегда делают сюжет интереснее.

– Когда произошел случай с твоей подругой? – тихо, сдавленно спрашивает агент Карлайл.

– За три дня до пожара.

– То есть эта тренировка в Легионе была последней?

Я чувствую, как вдоль позвоночника ползут мурашки. Об этом я как-то не думала.

– Получается, да.

– Ты утверждала, что за нарушение правил вас не наказывали. – Голос доктора Эрнандеса звучит почти по-детски, как у подростка, который старается не дуться, и я еле сдерживаю смех. – Что мужчины и женщины в Легионе не испытывали страха. Почему ты так сказала?

Я пожимаю плечами. Я могла бы ответить честно: я не доверяла ему, когда он задал свой вопрос, и не вполне доверяю до сих пор, – но какой мне от этого прок?

Он бросает на агента Карлайла взгляд, в котором – на долю секунды – мне мерещится какая-то странная ревность, затем что-то долго царапает в одном из блокнотов. Когда наконец доктор Эрнандес поднимает глаза на меня, его лицо – это вновь лицо профессионала, лишенная эмоций маска.

– А ты? – спрашивает он. – Чем все закончилось для тебя?

– Беар и Лоунстар заперли меня в моей комнате. Я думала, как только тренировка закончится, меня отведут в Большой дом, но этого не произошло. Беар выпустил меня, когда колокол зазвонил к ужину.

– Как считаешь, почему тебя не наказали?

Пожимаю плечами.

– Может, отец Джон решил, что это будет плохо выглядеть, учитывая, что я одна из его невест. А может, еще обдумывал, как со мной поступить, а тут началось все остальное. Не знаю.

Доктор Эрнандес делает пометку, после кивает.

– Ты несколько раз упомянула Центурионов. Расскажешь о них поподробнее?

Я тоже киваю.

– Так отец Джон называл четверых членов Легиона, которым доверял больше всего.

– Станный способ он выбрал, чтобы продемонстрировать свое доверие, – вставляет агент Карлайл. – Я имею в виду, в конце. Но, наверное, тебе это известно лучше, чем кому-либо другому.

У меня екает сердце.

– В смысле?

– Я о том, что случилось в Большом доме, – поясняет агент Карлайл, – во время пожара.

О том, что ты видела.

Доктор Эрнандес хмурит брови.

– Так, ладно, – говорит он. – Пожалуй, нам стоит...

– Я не заходила в Большой дом во время пожара, – говорю я.

– Точно? – прищуривается агент Карлайл.

– Точно.

Он в упор смотрит на меня. Я заставляю себя не отводить взгляд.

Спокойно, шепчет мне внутренний голос. Он не знает. Ни о чем образом не может знать. Просто сохраняй спокойствие.

– Ладно, – в конце концов сдается агент Карлайл. – Раз ты так говоришь, я тебе верю.

– Осторожно, – вполголоса предупреждает его доктор Эрнандес.

Агент Карлайл кивает, потом улыбается мне.

– Твой отец был Центурионом, верно?

– Кто вам сказал? – нахмуриваюсь я.

– Это сейчас неважно.

– Для меня важно.

– Почему?

– Меня напрягает мысль, что кто-то рассказывает вам о моей семье.

– Ты...

Во мне вскипает злость.

– Я не идиотка. Может, вы меня и держите за идиотку, но это не так. Если кто и мог рассказать вам, чем занимался мой отец после вступления в Легион, то только те, кто покинул Базу после Чистки. Все остальные мертвы.

Агент Карлайл кивает.

– Все, кроме твоих младших братьев и сестер. И тебя, – добавляет он.

Я прожигаю его взглядом – все-таки подло он поступил. Само собой, он знает больше, чем говорит, оба они говорят не всё – да и пусть, ведь я тоже знаю намного больше, чем рассказываю им. Но вот так резко перевести тему на моего отца (а если они в курсе, что он был Центурионом, то сто процентов успели выяснить и то, что его нет в живых) – это просто жестоко.

– Выходит, о моей маме никаких новостей, зато об отце поговорить вы не против, да? По-моему, это нечестно.

– Согласен, – отвечает агент Карлайл. – Понимаю твою точку зрения.

– Мунбим, я ведь сказал, что не располагаю сведениями о твоей маме, – произносит доктор Эрнандес. – Ты мне не веришь?

Я пожимаю плечами.

– Ладно, – говорит агент Карлайл. – То есть твой отец не был Центурионом?

– Вы сами прекрасно знаете. – Я пытаюсь сдержать бессильную досаду, которая прорывается в голосе, но, кажется, выходит не очень. – Почему вам обязательно надо услышать это от меня?

– Меня больше интересует, почему ты упираешься.

– Так, – снова вступает доктор Эрнандес. – Попрошу вас обоих немного сбавить обороты. Живая дискуссия – вещь полезная, но в драку лезть ни к чему.

– Извините, – коротко бросает агент Карлайл, но я смотрю ему в глаза и раскаяния в них не вижу.

– Мой отец умер четырнадцать лет назад, – говорю я.

Он кивает.

– Я знаю. Мне очень жаль.

– Так какая вам разница, был он Центурионом или нет?

– Мне интересно, влияет ли это на твое мнение о них.

– Нет. Мой отец стал одним из первых Центурионов, когда отец Патрик только учредил эту должность. Тогда Центурионы были другими.

– Другими в сравнении с теми, которые состояли на службе у отца Джона?

Киваю.

– Они изменились после Чистки.

– Но ты вроде бы говорила, что это просто слово, что отец Джон называл так своих самых верных помощников. В то же время только им разрешалось носить оружие, и они молча наблюдали, как Джейкоб Рейнольдс избивает твою подругу Люси, а потом оттащили тебя в твою комнату и заперли там, хотя ты не сделала ничего дурного.

Я медленно качаю головой. Отчаяние охватывает меня со скоростью лесного пожара, грозя вырваться из-под контроля.

– Просто скажите, что конкретно хотите от меня услышать. Так будет быстрее и проще.

– Такой цели никто не ставит, – мягко произносит доктор Эрнандес, – и мне жаль, если на этом сеансе у тебя складывается подобное впечатление. Мунбим, нам важно знать, что ты запомнила, что думаешь и чувствуешь. Конечно, мы хотели бы услышать правду – насколько это возможно, – но уж точно не стремимся к тому, чтобы ты говорила по указке.

Внезапно к глазам подступают слезы. Во взгляде доктора Эрнандеса столько теплоты и сочувствия, что мне хочется кричать, а агент Карлайл смотрит на меня, будто я не живой человек, а ходячая папка с информацией, которую нужно извлечь. Я чувствую, как внутри все клокочет. Ненавижу этих двоих и вообще всех, весь мир ненавижу! Себя в том числе.

«И ЕСТЬ ЗА ЧТО! – взвизгивает отец Джон. – НИКЧЕМНАЯ ПРИТВОРЩИЦА!»

– Не могла бы ты рассказать нам о Центурионах? – просит доктор Эрнандес.

– Я уже рассказала. – Голос у меня дрожит.

– Если не хочешь, ничего страшного. И все же ты о них пока не рассказывала.

– Я не хочу об этом говорить.

На лице доктора Эрнандеса мелькает тень разочарования, мимолетная и едва уловимая, но я успеваю ее заметить.

– Хорошо, – говорит он. – Ничего страшного, да. Продолжим завтра.

Агент Карлайл недовольно хмурится – видно, не привык сворачивать допрос только потому, что фигурант не желает отвечать, – но никак не комментирует решение психиатра.

Доктор ставит портфель на стол и методично складывает в него блокноты и ручки. Управившись, встает.

– Увидимся завтра утром, – говорит он. – Надеюсь, сегодняшний сеанс КСВ пройдет успешно. Я буду наблюдать.

Я все-таки не сдерживаюсь. Пламя, бушевавшее у меня в груди, почти угасло, однако несколько угольков еще тлеют.

– Прямо как Центурион.

Доктор Эрнандес застывает на месте и сдвигает брови.

– Почему?

Я молчу. Он садится за стол рядом с агентом Карлайлом – тот никак не реагирует.

– Если Центурионы были самыми уважаемыми членами Легиона Господня, почему ты рассчитывала оскорбить меня сравнением с ними?

– Потому что вы считаете их плохими, я знаю.

Он кивает, его лоб все так же нахмурен.

– Верно. В точку.

– Случай с Люси произошел перед самым концом, – говорю я. – Когда все уже рушилось. Но так было не всегда. Они не всегда были такими.

Жалкая попытка, шепчет внутренний голос. Ты лжешь самой себе. Кого ты хочешь защитить – их или себя?

– Верю, Мунбим, – говорит доктор Эрнандес. – Правда, верю. Может быть, поделишься, какими они были на самом деле?

До

Без правил не обойтись. Так говорит отец Джон. Без правил жизнь развалится. Однако мало просто установить правила, надо еще сделать так, чтобы они выполнялись. Можно объяснить, что правила действуют на общее благо, обеспечивают безопасность, и многие – пожалуй даже, большинство – будут следовать им в силу своей добропорядочности и понимания того, как устроено общество. Но этого порой недостаточно, потому что не все люди порядочны, не все готовы думать о других. И хотя подчиняться правилам – хорошо и разумно, таким людям нужен для этого дополнительный стимул, а поскольку нельзя всякий раз поощрять человека за то, что он поступил как должно, приходится действовать наоборот: сделать так, чтобы любое нарушение правил влекло за собой последствия.

Вот как это работает в Легионе Господнем. Центурионов всегда четверо, а вообще за всю историю эту должность занимали шесть человек, так как и звание, и сопутствующие ему обязанности даются пожизненно.

Центурионы не носят специальную форму или знаки отличия, но все и так их знают, и не только потому, что на поясе или за плечом у каждого из них оружие. Новые Братья и Сестры, которые более-менее регулярно пополняли наши ряды еще несколько лет после Чистки, в первую очередь усваивали, что слово отца Джона – закон, а во вторую – что Центурионы за этим проследят.

Я слыхала, как кое-кто (обычно те, кто возмущался по поводу наказания за тот или иной проступок) сравнивал Центурионов с полицией из Внешнего мира. Я видела полицейских только по телевизору, когда нам еще разрешали его смотреть, но, по-моему, это совсем не одно и то же. Центурионы никого не отслеживают, не допрашивают, не пытаются обмануть или подставить, всегда держатся скромно, не стараются выделиться. Но если что-то идет не так, если кто-нибудь сбивается с Истинного пути, хоть на мгновение, они появляются как по волшебству. И вершат Божье правосудие. Так, как его толкует отец Джон, разумеется.

Когда мне было двенадцать, один из моих Братьев, Шанти, побил свою четырехлетнюю дочку Эхо ручкой от метлы, когда увидел, что она сидит на полу в кухне и уже поднесла к губам бутылку с отбеливателем. Поднявшийся шум долетел до самых дальних уголков Базы: сухой треск ударов деревянной ручкой, пронзительные крики Эхо, разъяренные вопли Шанти и отчаянные мольбы его перепуганной жены Лены прекратить, прекратить во имя Всевышнего.

Я видела, как Хорайзен и Беар рванули через двор с винтовками в руках и скрылись в кухне. Крики и вопли сделались еще громче, а затем Центурионы выволокли Шанти во двор и потащили к одному из трех металлических ящиков, что стояли в северо-восточной части Базы. Всю дорогу он выл, лягался и вырывался, но Беар и Хорайзен были неумолимы. Они втолкнули Шанти в ящик, захлопнули дверцу и крепко заперли ее на засовы, а затем поспешили обратно на кухню – проверить, в порядке ли Эхо и Лена. В конце концов обе вышли на залитый утренним солнцем двор – бледные, с пятнами крови на одежде.

Шанти продержали в железном ящике десять дней и ночей. Полбуханки хлеба и два литра воды – это все, что ему полагалось в сутки. Днем, когда солнце нещадно палит над пустыней, металлические контейнеры так раскаляются, что к ним не прикоснуться. После заката, когда жара уходит, они остывают и до самого мая, а то и июня могут даже покрываться инеем.

В первый день Шанти буйствовал, рыдал и колотил в стенки ящика. Этот непрекращающийся барабанный бой служил напоминанием, как выглядит – и звучит – правосудие в Легионе Господнем. К обеду второго дня стук перешел в слабое поскребывание примерно раз в час. На третьи сутки из ящика уже не доносилось ни звука.

На исходе пятого дня отец Джон приказал открыть ящик, долго смотрел внутрь, а потом спросил Лену, хочет ли она, чтобы ее мужа помиловали. Лена обвила руками дочурку, крепко

прижала к себе и сказала Пророку, что милосердие – удел слабых. Отец Джон поцеловал ее в лоб, провозгласил, что Господь благ, и велел Центурионам снова запереть ящик.

Почти двести пятьдесят часов спустя, когда срок заключения истек, человека, извлеченного из ящика, было не узнать. Шанти не мог самостоятельно передвигаться, его кожа приобрела смертельную бледность и свисала с костей, как у теленка; глаза ввалились и потухли. Он не смел и взглянуть на своих Братьев и Сестер, собравшихся посмотреть, как его будут выпускать.

У Джулии и Бекки – под бдительным присмотром Центурионов – ушло три месяца на то, чтобы худо-бедно поставить Шанти на ноги. Три месяца он лежал в постели и хлебал с ложечки бульон. Три месяца, за которые ни Лена, ни Эхо не навестили его ни разу. Шанти покинул Легион в облаке пыли, едва собрался с силами настолько, чтобы сесть за руль и выжать педаль газа.

Жена и дочь с ним даже не попрощались. Не прошло и месяца, как отец Джон объявил, что Господь избрал Лену его новой женой; Лена и Эхо с вещами переехали в Большой дом.

Впрочем, большинство членов Легиона не попадали в такие серьезные неприятности и не подвергались столь суровым наказаниям. Худшим, с чем столкнулась лично я, стало трехдневное лишение пищи по приказу отца Джона после того, как я, впервые заступив на караул, покинула свой пост из-за подозрительного шума за забором, причиной которого оказался бродячий кот.

Трехдневная голодовка далась мне нелегко, но я ее заслужила; Хорайзен долго говорил со мной об этом – объяснял своим густым мягким голосом, что прислужники Змея через главные ворота могли проникнуть на Базу, пробраться в Большой дом и убить Пророка – и всё по моей вине. Он был прав, и его аргументы сработали. После этого, когда приходила моя очередь держать караул, я не оставляла свой пост ни на секунду.

После

– Тебя семьдесят два часа морили голодом за то, что ты на пару минут ушла с какого-то дурацкого поста? – переспрашивает агент Карлайл.

– Меня не морили голодом, меня наказали, – объясняю я. – Ради моего же блага.

Не надо, предупреждает внутренний голос. *Не придумывай для них оправданий.*

Доктор Эрнандес делает запись в одном из блокнотов, после смотрит на меня взглядом, который мне особенно неприятен: в нем ясно читается жалость.

– Какие еще наказания исполняли Центурионы? – спрашивает психиатр.

Я молчу. *Спокойно, спокойно.* Он откладывает ручку.

– Мунбим? Ты не хочешь отвечать?

Качаю головой.

– Почему?

– Потому что для вас это пустой звук! – Я удивлена громкостью собственного голоса, но мне ничуть не стыдно. Напротив, я наслаждаюсь изумлением доктора, тем, как расшились его глаза, а лоб собрался в складки. – Да, пустой звук! Вы сидите, обложившись блокнотами и ручками, и всё что-то строчите обо мне, и думаете, будто я не вижу, чем вы заняты и о чем пишете, хотя нахожусь тут же, рядом с вами! Вы всегда такой невозмутимый, и вопросы ваши такие логичные, и для вас это просто задачка, которую необходимо решить, и я тоже для вас просто задачка, а вы этого даже не понимаете! Я рассказываю вам все это не для того, чтобы вас развлечь или угодить вам. Я это пережила, это моя реальная жизнь! Неужели не ясно?

Агент Карлайл ошеломленно смотрит на меня пронзительно-синими глазами, но я не обращаю на него внимания, я сосредоточена на докторе Эрнандесе.

– Мне очень жаль, – произносит он вечность спустя. – Разумеется, мне никогда в полной мере не прочувствовать, через что ты прошла, и я первым готов признать, что порой интерпретирую что-то неверно. Но это, все это – наш с тобой обоюдный процесс. Есть вещи, объективно непонятные для тебя, – они касаются мира, в котором ты выросла, и большого мира по другую сторону забора. Важно, чтобы ты разобралась в этих вещах, увидела их в истинном свете. Я стараюсь знакомить тебя с ними как можно аккуратнее, хотя, конечно, тебе порой кажется иначе. Твои чувства совершенно оправданны, и я ни в коем случае не пытаюсь их обесценивать или сбрасывать со счетов, понимаешь?

Мое сердце бешено колотится, лицо горит, а боль в забинтованной кисти вдруг резко усиливается, однако я чувствую искренность в голосе доктора и верю – а может, просто хочу верить, – что он не притворяется. Я делаю глубокий вдох.

– Да. Простите.

– И ты меня прости, – говорит доктор Эрнандес. – И раз уж мы с тобой эмоционально открылись друг другу, позволь задать тебе вопрос. Ты бы удивилась, узнав, что в большинстве стран мира взрослого могут посадить в тюрьму за то, что он трое суток не давал ребенку еды?

Я в недоумении.

– Как это?

– Его обвинят в неисполнении обязанностей в отношении ребенка, либо в жестоком обращении, либо в чем-то подобном. Ты понимаешь, что значит «неисполнение обязанностей»?

Я качаю головой. Выражение мне незнакомо.

– Это когда человек должным образом не заботится о том, кто находится на его попечении, – поясняет доктор Эрнандес. – Применительно к детям это означает, что родитель или опекун, например, не обеспечивает ребенка чистой одеждой или не следит, чтобы тот регулярно посещал школу. Лишение еды на три дня определенно попадает под эту статью.

– Меня наказали, – повторяю я, ведь так оно и было. Я нарушила правила, и за это меня наказали. Таков порядок.

Ты сама в это не веришь, возражает мне внутренний голос. *Возможно, раньше и верила, а теперь – нет. Уже нет.*

– Заткнись, – шепчу я.

Доктор Эрнандес озадаченно хмурится.

– Мунбим?

Я качаю головой.

– Там была моя мама. Когда отец Джон наложил на меня пост, она это одобрила. – Оба моих собеседника безмолвно смотрят на меня. – Пожалуйста, давайте на сегодня закончим, – прошу я, презирая себя за умоляющие нотки в голосе.

Доктор Эрнандес кивает.

– Да, конечно. Отличная мысль.

Перед тем как закрыть и запереть дверь, сестра Харроу приветливо мне улыбается. Я изображаю ответную улыбку, но выходит скверно. Пару секунд я стою посреди комнаты, затем ложусь на кровать и таращусь в потолок, стараясь прогнать из памяти образ Шанти, выпущенного наконец из ящика, – то жуткое, чудовищное облегчение, что было написано на его лице. Не хочу этого видеть. Сегодня вообще больше не хочу видеть ничего плохого, иначе просто не выдержу. Чтобы отвлечься, я представляю отца.

Он умер, когда мне не исполнилось и трех лет, так что по идее у меня не могло сохраниться воспоминаний о нем. А они, как ни странно, сохранились. Я четко вижу его с разных ракурсов – вот он, должно быть, держит меня на коленях, а вот я играю на полу и смотрю на него снизу вверх. Знаю, эти воспоминания ненастоящие, я была всего-навсего трехлетней. Очевидно, мое воображение нарисовало эти картинки уже после смерти отца, я сама создала их и запрятала так глубоко, что теперь разум не отличает реальность от вымысла.

Ужасно действует на нервы, когда ты не можешь положиться на собственное сознание. Бывало – и не раз, – что я всерьез сомневалась, существовал ли мой отец в действительности или это лишь утешительная сказка, сочиненная мамой. Однако я не верю – не могу поверить, – что она солгала бы мне в таком важном вопросе, как история моего появления на свет. Единственная фотография отца превратилась в пепел, как почти всё на Базе, но у меня сохранились его часы, а еще были ножи – пускай я и не знаю, где они сейчас, но это реальные, осязаемые предметы, которые принадлежали реальному человеку.

Пожалуй, труднее принять тот факт, что он на самом деле жил, а потом умер, гораздо раньше положенного срока. Это сложно принять, сложно и больно, но это правда.

До

– Не так, – говорит мама, – давай покажу, как надо.

Я протягиваю ей леску и банку с бусинами и наблюдаю, как она попеременно нанизывает голубые, белые и бледно-желтые шарики и как они с тихим стуком съезжают к ее большому пальцу, вокруг которого обмотана леска.

Мастерить я не умела никогда. В детстве, до Чистки, Элис и другие девочки делали на продажу бусы и браслеты – милые блестящие вещицы, при виде которых жительницы Лейфилда восторженно ахали, ворковали и хвалили моих Сестер: ну что за умницы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.